

ПИСЬМА МАРШАЛУ

Книга стихов

Белгород
Издательство «ЗЕБРА»
2021

УДК 82
ББК 84(2Рос=Рус)
П 35

Составитель В.А. Силкин

*125-летию со дня рождения
Маршала Советского Союза Г.К. Жукова
80-летию контрнаступления советских войск
под Москвой*

ПЗ5 ПИСЬМА МАРШАЛУ. Книга стихов. Сост. В.А. Силкин. –
Белгород: Издательство «Зебра», 2021. – 186 с.

Книга стихов «Письма Маршалу» – увековеченный образ легендарного полководца, Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова, навсегда вписавшего своё имя в летопись знаменитых сынов Отечества. В этой книге поэты России по-своему рассказывают о его жизни и службе, отражая путь Георгия Константиновича Жукова от Москвы до Берлина.

16+

ISBN 978-5-6044824-5-2

© ЗЕБРА, 2021
© Коллектив авторов, 2021

ПИСЬМО ОТ ДЕДА

Письмо от деда было краткое:
«Живой, здоров!
Уже под Краковом!
Крепитесь,
близок час Победы!
Закончатся все наши беды...»
А позже из газет узнали,
Какой «...ценою город взяли...»
Как «...в благодарность за Победу
Всех лично Маршал награждал!»
И только деду... Только деду!
«Пустой рукав поцеловал...»

СЛОВО О МАРШАЛЕ ЖУКОВЕ

Поэма

*«Струны мои –
Сами славу ему
Рокотаху...»*

I

То не гром прогремел в вышине,
То не сдвинулись тучи седые,
То Георгий на белом коне
Объезжает пределы России.

Что за ветер в ночи поднялся,
Небо в сполохах, сны беспокойны –
Это злыми зрачками кося,
Рыщут по миру хищные войны.

Под Калугою воеет пурга,
Под Архангельском бесится вьюга.
Отодвинешь на север врага,
Глядь, другой подбирается с юга.

А уж как ты, земля, дорога!
Да раскинулась больно широко –
Опрокинешь на запад врага,
Глядь, другой подползает с востока.

II

Может, нету у света конца,
Может, нынче конец приключится –
Из того ли рябого яйца
Бесноватая лютая птица
Выводила кривого птенца.

И железные перья на нём,
Обрастали тяжёлым огнём.

Там, где буря от крыл прошумит –
Крыши сорваны, роща горит.

А куда упадёт его взгляд –
Камни плавятся, реки кипят.

III

Маршал ухо к земле приложил,
Всё-то понял и в Центр доложил:
«Чую вражеских сил продвижение,
Войску выдать оружие пора.
Полагаю, начнётся сражение
В воскресенье, в четыре утра».

Рассудили, прикинули – врёт!
Паникёры... известный народ...

Нет страны веселей и чудесней,
И так вольно нам дышится в ней,
Оттого и звенят наши песни
От тайги до британских морей.

Если враг не дурак – не пойдёт.
Так что тихо. Ни шагу вперёд!

А беды-то не видно, не слышно,
Затаилась до срока, хитра.
Как загадывал он, так и вышло –
В воскресенье. В четыре утра.

Смерть как туча пошла напролом.
Полземли у неё под крылом.

IV

Застывает волна на песке,
Закипает кровавая пена,
Враг шагает по Бугу-реке.
Буг-река врагу – по колено.

Маршал скачет во весь опор,
Вылетает в широкое поле,
Видит – ворогу полный простор,
Видит – ворогу вольная воля.

Он глядит из-под правой руки,
Он зовёт на подмогу полки,
Но ни звука, ни вдоха в ответ,
Ни подмоги, ни помощи – нет.

Он глядит из-под левой руки,
Он зовёт на подмогу полки...
Подшли бы полки, помогли!
Только все как один полегли.

V

Маршал даль озирает с холма,
Только даль не видна за дымами,
Дотлевают двory и дома,
Догорают сады за домами...
Только чёрные трубы торчат,
Только чёрные птицы кричат,
Только чёрная мгла, и во мгле –
Тонет родина в адском котле.

Разве душу удержишь в горсти,
Мати, мати, о чём ты рыдаешь?
«Сыне родный, спаси-защити!
На кого же ты нас покидаешь?!...»

«Сыне родный, спаси-помоги!» –
Это воют дороги, как вдовы,
И цепляются за сапоги,
Липнут глиной сырой, стопудовой...

Мечь и ненависть в сердце твоём.
Мать-земля, ты уже – за холмом!

VI

То не ангел в трубу вострубил,
То, срываясь на брань и проклятья,
Крикнул Маршал сквозь пепел и дым:
«Подымайтесь, сёстры и братья!»

«Мы на месяц всего-то уйдём!..» –
Муж прощался с детьми и женою,
Отзывался молчанием дом,
Нехорошей звенел тишиною.

«Мы на месяц, а не насовсем!..» –
Сыновья матерей покидали,
И срывались иконы со стен.
Двери в отчих домах возрыдали.

Поседела от пепла земля,
Побелели поля от полыни,
Полыхает над лесом заря,
Будто небо с краёв подпалили.

Эта память, лечи не лечи,
Будет после являться в кошмарах –
Завываньем сирены в ночи
И разрывами в чёрных пожарах.

Тяжкой поступью, мерной, стальной
Ломит враг через рвы и воронки.
Чёрный ветер свистит над страной
И несёт на восток – похоронки...

VII

То не грозы сошлись в небесах,
Колыхнулись озёра и реки, –
Это Маршал привстал в стременах,
Поднял Маршал тяжёлые веки.

Он на карту глядит с высоты,
Ищет, в чём же оплошка и промах, –
Прогибаются, гнутся фронты
В страшных брешах, разрывах, проломах...

Хочет Маршал Смоленск удержать,
Но за Вязьмой смыкаются клещи!..

Хочет рану на карте зажать, –
Кровь меж пальцев струится и хлещет!

Это подлая правда войны,
Так что Маршала не попрекайте
Тем, что слишком густы и красны
Наши встречные стрелки на карте.

VIII

Маршал Жуков к порогу шагнул,
Подогнулись под ним половицы,
Он дубовую дверь распахнул
Богатырской своей рукавицей.

Кто рассеет смертельную тьму,
Нет ни веры кругом, ни надежды...
И – Егорий явился ему
В осиянных багровых одеждах.

Непонятный, таинственный гул
Прокатился как гром по округе –
Это Маршал колени согнул,
Поднял Маршал тяжёлые руки.

«Брат Георгий! Спаси-помоги!
Сила валит и ломит стеною,
И по правую руку – враги,
И по левую руку – враги,
И притихла Москва за спиною...»

IX

Обручилась кручина с тоской,
И бедой поделиться не с кем.

«Встань из праха, Дмитрий Донской!
Пробудись, Александр Невский!..»

Из-за огненной той реки –
Видит Бог, что время не рвётся!–
Будто грозы идут полки,
Пыль земная не ворохнётся.

Вот идут они день-деньской,
При знамёнах, в славе и блеске,
Впереди у них Дмитрий Донской,
Рядом с ним Александр Невский.

То-то гордость идёт, краса! –
Ни следа на траве росистой,
Лишь разносятся их голоса
По широкой земле российской.

Светлый всадник встаёт над землёй, –
То Георгий, таинственный витязь:
«Эй, откликнитесь, кто живой!..
Кто подмоги просил? Отзовитесь!..»

Х

Отпусти мою душу, печаль,
Отпусти моё сердце, кручина,
Отзывается дальняя даль
Еле слышно, едва различимо.

Мне привиделся русский солдат
С образком материнским на шее,
Что в окопы спускался, как в ад,
Зарывался по горло в траншеи.

Там от края до края земли
Рудой кровушкой ночь напиталась,
Наши все как один полегли,
Никого-то в живых не осталось.

Но отчаянных смерть не берёт,
Но погибших не ломит кручина,
И вставал-подымался народ,
Отрастал из земли, как щетина.

Знает небо, и помнит земля,
Только что они скажут об этом...
Но высокие стены Кремля
Утро красило розовым светом!

XI

Что за крик среди нищих полей?
Что за вой на пустых пепелищах? –
Это матери ищут детей,
И никак на земле не отыщут.
– Маршал, Маршал, а где мой сынок,
Мой сынок Василёк? Ты не помнишь?..

«Знаю, матушка, где твой сынок,
Как такого героя не вспомнить!
Ты прости меня, мать... Не сберёг...
Опоздала к нему моя помощь.

Был твой сын – из героев герой,
Самый первый смельчак и красавец,
Жалко только, его той порой
Не успел я к награде представить.

Не боялся твой сын ничего.
И погиб он в бою по-геройски.
Но скажу я тебе про него –
Самый лучший он был в моём войске!

Как же мне не запомнить его,
Дорогого сынка твоего!...»

ХII

Похоронки летят и кричат,
Будто стаи ворон на погосте.
И осины, как нервы дрожат,
И берёзы белеют, как кости.

– Маршал, Маршал, а где он лежит?
Ты запомнил? Приметил то место?

«Знаю, матушка, где он лежит,
Я запомнил, приметил то место.

Он лежит где-то там, где – убит.
А убит твой сыночек – под Брестом...
Под Калугой убит...
Под Ельцом...
И под Киевом...
И под Смоленском...
Он убит подо Ржевом...
Орлом...
Под Рязанью...
Под Курском...
Под – Энском.

Но не жить бы нам, матери, с тобой,
Если б он не погиб – под Москвой.

На широких российских ветрах
Плачет гром над могилою сына,
И туман проплывает в ногах,
И горит в изголовье рябина.
Как не ведать мне места того,
Где могила сынка твоего!..»

ХIII

Смерть заломит и вывернет локти,
Скрутит так, чтоб подняться не смог.
Не послушал ты мать, не берёгся,
В придорожное жито улёгся,
Василёчек ты мой, Василёк...

Что лежишь ты ничком, победитель?
Не ответишь ты мне ничего,
Прикрывал тебя Ангел-хранитель,
Только пуля прошла сквозь него.

Он замешкался, твой белокрылый,
Смерть прошла, обернувшись свинцом,
И горячую кровь отворила,
Отомкнула, и – дело с концом...

Зря кукушка твоя куковала,
Всей-то жизни – весна до войны...
Отчего же душа ликовала,
Озираясь на мир с крутизны?

Над дорогой кружась, над смоленской,
Расшвыряв облака, как бинты,
Красоте ты дивился вселенской,
В первый раз ты, простак деревенский,
Видел землю с такой высоты!

Ты ушёл, а в миру опустелом,
На юру, на бугре обгорелом
Продолжалась по-прежнему жизнь –
Над твоим изувеченным телом
Две вороны, рыдая, дрались...

XIV

«Никогда моя рота не встанет,
Кто же выручит вас и спасёт,
Если тёмная сила нагрянет,
Если Родина-мать позовёт?..»

Был твой Ангел и ласков, и светел,
И на всё тебе Ангел ответил:
«Не смущайся, солдат, не робей,
Смерть случилась?.. А я не заметил...
Да и ты позабудешь о ней!
Всё, что свято – вовек невредимо,
Здесь ни крови, ни горя, ни дыма...»
Но не сходит забота с лица:
«Отпусти меня, Ангел!.. Родимый...
Я поклялся – стоять до конца!»

«Не тревожься, солдат, будь спокоен,
Отправляйся ты смело в запас,
Весь народ перечтён и построен,
Сам Георгий, испытанный воин,
И вся горняя сила – за вас!»

XV

Этот плач разодрал твою душу, –
Без косынки, по пояс в снегу,

Об ушедших тоскует Катюша
На высоком крутом берегу.

Но отставить про чувства и нервы!..
Свои нервы ты выжег дотла,
Посылая на гибель резервы,
Чтобы вытащить Русь из котла.

Всё черно, безнадёжно и туго!..
Но, обнявшись, пошли на врага –
Ледяная калужская вьюга
И архангельская пурга.

И в дымах, будто в лентах, красуясь,
Взвыли ветры, отборная часть:
«Ты нас гнал, ты платил, не торгуясь,
Не считаюсь и не мелочась!..»

И метели, взметаясь и воя,
Затевают свою круговерть:
«Ты нас бросил в прорыв под Москвою,
Ты послал нас на верную смерть!»

«Ничего мы тебе не забыли! –
Ощетинившись, свищут снега, –
Ты пригнал нас сюда из Сибири,
Ты швырнул нас под танки врага!»

И морозы гремят ледяные:
«Ты нашёл нас в глухой стороне,
Ты построил нас в роты штрафные,
Ты спалил нас в великом огне!»

XVI

Наши марши ревели, как танки,
Наши песни дышали огнём,
Уходя под «Прощанье славянки»,
Каждый думал, что это – о нём.

Этот век нам выклёвывал очи,
Нашу память калечил, как мог.
Но не вылинял – синий платочек,
Не погас в темноте – огонёк!..

Поднимается русская слава
И клянётся: «Ни шагу назад!» –
Из минувшего – полк Святослава,
Из грядущего – псковский десант.

Я сквозь слёзы гляжу на державу, –
Царство муки, терпенья, любви,
Где народ получает по праву
И венцы, и награды свои.

Где пройдя через боль и страданья,
Видят люди добра торжество,
Получая награды и званья...
Но уже – не от мира сего.

XVII

Ваши души на майских бульварах
Просияли, как в райских садах,
Не разрывами в чёрных пожарах,
А деревьями в белых цветах.

Маршал едет с великой Победой,
Едет с армией он на восход,
То не пыль встаёт на полнеба –
Слава воинская идёт!

И проведав о том заранее,
У границ их встречает народ.
И такое у них обнимание!
И такой у них пир идёт!

И, ей-богу, без всяких шуток,
Хочешь верь, а хочешь не верь,
Пировали двенадцать суток,
На тринадцатые – курьер!

Еле Маршала разыскали.
Привезли во дворец. Тишина...
Самолично товарищ Сталин
Нацедил ему чашу вина.

Принял Маршал тяжёлую чашу,
И не дрогнула даже рука.
– Пью,– сказал он,– за Родину нашу!..
И была эта чаша горька.

XVIII

Вешний гром прошумел в вышине,
Раздвигаются тучи седые,
Маршал Жуков на белом коне
Озирает пределы России.

То не птица кричит над водой,
То не горе столкнулось с бедой,

Слово вещее – что оно значит?..
Светлый всадник встаёт над землёй,
Очи грозные в облаке прячет.

ЖУКОВ В ОПАЛЕ

Ты вновь в немилости. Отправлен на покой.
Не нужен стал, когда пришла Победа.
За славой зависть вновь тащится следом.
И ты мешаешь, глыбистый такой...

Четырежды Герой, ты не угоден стал
Властителям, тыловикам бездарным.
Боятся, что захватишь пьедестал,
Ещё при жизни станешь легендарным.

Ты повторишь Суворова удел:
Не нужен стал – и упекли в опалу.
Но ты не гнёшься. Столько нужных дел,
Воспоминаний... От юнца – к финалу.

Тебе цензура указывает план.
Но ты не станешь поступаться правдой.
Тебе опять масштаб великий дан.
Победа в новой битве – как награда.

Тут тоже и прорывы, и охват,
Тут тоже и утраты, и геройство,
И прозорливый в будущее взгляд,
И дерзость, твоё жуковское свойство.

Когда умрёшь, покоя не дадут,
Уцепятся репы чужих бурьянов.
И будут гавкать яростно и рьяно
Цепные псы, что расплодились тут.

ВНОВЬ СУДИТЕ

Когда нас топтали фашистские орды,
Судьба всей Европы была на кону,
Чего ожидали вы, сэры и лорды?
И как полагали закончить войну?

Когда мы сломали хребет людоеду,
Погнали его из родимой земли,
Предвидя грядущую нашу победу,
Вы фронт свой открыли и в долю вошли.

Повыгребли всё со своей половины,
Разрушили всё, что досталось бы нам,
Реестры составили, в чём мы повинны,
Убытки сочли на века и сполна.

Во что оценили вы кровь миллионов,
Погибших соотчичей горьких моих?
За то ли, что выбили меч у тевтонов,
Вы судите их и позорите их?

Вы мажете дёгтем надгробья героев
И прах оскверняете павших солдат.
Вершите вы суд
над общественным строем,
Какой опрокинул фашизм на закат.

Да что рядовые? Великого Жукова
Стараетесь всюду унижить брехнёй.
Но вечная память пусть станет порукою
И воинской славы, и правды о нём.

Холёные, чистые, сытые морды
Без чести и совести, с хилым умом...
Вы вновь доиграетесь, сэры и лорды,
Да кто защитит вас в огне мировом?

МАРШАЛ ЖУКОВ НА ПАРАДЕ В ХМЕЙМИМЕ

На базе Хмеймим нынче – звёздный парад,
Сегодня – Девятое мая!
Шагают расчёты победных солдат,
О славе Руси возвещая.

Знамённая группа печатает шаг,
Полощется Знамя Победы.
Пусть помнит восточный и западный враг,
Что Знамя вручили нам деды.

Пехота, десант и морпехи идут,
Пилоты и техники – с ними.
В честь наших героев грохочет салют
Сейчас на параде в Хмеймиме.

И души погибших в Священной войне
Взирают на доблестных внуков,
И с Неба сошедший на белом коне
Парадом командует Жуков.

Салют громогласный над миром гремит
Как символ великих свершений.
Господь, как и прежде, Россию хранит
Для новых победных сражений!

Что голубок – на копне
Или роса – на початке,
Маршал на белом коне
Скачет по чёрной брусчатке.
Молнии из-под копыт,
Будто бы залпы «Катюши».

Ну, а Солдат позабыт,
Кашель во сне его душит.
Кроме восторженных дат
И журналистского бреда
Мается прошлым Солдат –
Где она, к чёрту, Победа?

Как повелось испокон,
Как убеждаемся сами:
В почестях – кто побеждён,
А победители – в сраме.
Нюхают корку они,
Горьким позором хмелея.

Маршал, лицо отверни
От усачей Мавзолея!

Видишь, восставший из ран,
Из мирового пожара,
Мёрзнет войны Ветеран
В домике с печкою ржавой.
Ну а на куче дерьма,
В тёплом пару перегноя,
Урка, сорвав ордена,
Битой метелит Героя...

Расформированный полк...
Как устоять против швали?
Кто-то уехал в Гонконг,
Кто-то гостит в Монреале.

Не под твоей ли рукой
Прямо с парадного марша
Шло пополнение в бой,
День этот помнишь ли, Маршал?

Помнишь ли, как у реки
Перед армадою стали
Рослые сибиряки
В грунт подмосковный вращали,
В муку пылавших полей –
Скрежетом, лязгом и топом,
Каждой траншеей, окопом,
Каждой могилой своей?

И разудало, былинно –
Двинули фрицам под зад;
Путь огневой – до Берлина,
Вот он – Победы Парад!

Александр Дьяконов

ВЕЛИКИЙ МАРШАЛ

В историю вошёл победным маршем,
Тяжёлою дорогой фронтовой,
Солдат России – наш советский Маршал,
Наследник русской славы боевой.

Великий Маршал страшной той войны,
Он вёл полки в жестокий смертный бой,
Где бились насмерть Родины сыны,
И он был с ними на передовой.

Легендой фронтовых кровавых дней,
Остался в памяти отцов, сынов и внуков,
Солдат Великой Родины своей
Всегда победоносный Маршал Жуков!

Олег Игнатьев

СОБОР ПОБЕДЫ

*Великому русскому полководцу,
Маршалу Победы – Г.К. Жукову
посвящается*

Цветами, солнцем, флагами украшен
Дарованный Всевышним день весны,
Который стал Святым Собором нашим
Во имя тех, кто не пришёл с войны.

Во имя тех, кто павших помянув,
Дошёл до стен фашистской цитадели,
Чтоб мать или жена, припав к окну,
Глаза свои – в слезах! – не проглядели.

Чтоб гнёзда вили птицы, не таясь,
Отнюдь не для утехи птицелова,
А чтоб сердцам, почуяв с ними связь,
Хотелось мир земной восславить снова.

Не шёпотом, а в полный голос, вслух
Народ наш так по совести решает:
– В любом, кто чтит Россию, – русский дух,
А русский дух и мёртвых воскрешает.

И те, кто жизни отдали свои
За нашу несравненную державу,
Лишь только кликни их, лишь позови –
Востанут для отмщения по праву.

Поди, попробуй противостоять,
Когда, исполнясь волей миллионов,

На смертный бой идут – за ратью рать! –
Бессмертные полки и батальоны.

Вот нервы у нечистых и сдают,
Их бьёт озноб, как будто в огневице,
Когда гремит торжественный салют
Над празднично украшенной столицей.

Собор Победы! Несказанный храм,
Воздвигнутый на подвиге и вере
Всех тех, кто нынче дорог Небесам
И нами не забыт! Ни в коей мере.

Андрей Канавщиков

РУССКИЙ СОЛДАТ С МАРШАЛЬСКИМИ ПОГОНАМИ

Поэма

Освобождение Великих Лук и Маршал Победы Г.К. Жуков

*«Один из ярчайших полководцев XX века –
Георгий Константинович Жуков. Он не был утончённым ин-
теллигентом с изысканными манерами – он был русским сол-
датом с маршальскими погонами на плечах, но превзошёл всех
немецких фельдмаршалов-аристократов с богатой рыцар-
ской родословной, разбил их тевтонские армады».*

*Конструктор ракетной техники
С.П. Непобедимый*

Только герои достойны свободы,
Был мир из пшеничных колосьев сплетён.
Только открылись вдруг чёрные своды,
С Запада хлынула хмарь непогоды,
Серпу и молоту меч предпочтён.
Плачет земля под армадою злою.
За солнце и счастье для глаз дорогих
Русскому воину выпало: к бою.
Где Бог и мороз за Россию стеною,
Там люди достойны героев своих.

Твой подвиг не скроет печальная Лета,
Народ-победитель, узнавший в войне:
Где Жуков – там слава, где Жуков – победа,
Русская слава на белом коне.

«...града, нарицаемого Великих Лук. Бяше же тогда град сей многочеловечен зело, славою и богатством иныя грады превосходяше».

«Житие и жизнь преподобного отца Мартирия»

Крепко сшит и ладно скроен,
Небо, речка, люд могучий...
Был не просто город-воин –
Город-крепость, город-круча,

Город-глыба, город-сила,
Город-камень из начала,
Современная Россия
В городах таких мужала.

Ему выпало бороться,
Да с врагами вечно биться,
Был оплечьем новгородцев
И предсердием столицы.

Лезли орды то ливонцев,
То поляков злое эхо,
И светило чаще солнце
Здесь не с неба, а с доспехов.

Вероломно жгли, веками,
Город рушили с разгона,
Так что в Смуту казаками
Заселялся город с Дона.

Город жил всё время между,
Редкий мир, а чаще – горе,
Город ратный, порубежный,
Как солдат, стоял в дозоре.

Не отступишь, не заплачешь,
Не согнёшься враз в печали,
И хотели б жить иначе,
Да враги не разрешали.

И росли лучане дружно,
С юных лет в войну играли,
Пули – вместо погремушек,
Вместо куколок – медали.

Были Луки просто Луки,
Но Великими однажды
Нарекли их не за муки,
А за подвиг их отважный.

Не склонялись, не клонились,
Шли твердынею меж нами,
Не искали жалость, милость
Порубежные лучане.

Город-крепость, город-правда,
Подчинится только с бою,
Нерушимая преграда
По-над Ловатью-рекою.

Ничего дороже, кроме
Чести, веры и присяги,
Что разрушили – отстроим,
В силе вражьей нет отваги.

А берётесь хвастать дерзко,
Потешаться ночью, денно,
То найдётся княже Невский
Или Жуков. Непременно.

Много вод века умчали,
Поколения мчались скоро,
Только всё, как и сначала:
Город-крепость.
Витязь. Сторож.

Порубежным исполином
Луки стал среди простора,
Всё, что было, то и ныне,
Новизна – лишь след повтора.

Всё, увы, бывает снова,
И в грядущее с тобою
Смотрят с вала крепостного
Танк и стела со звездой.

«Притянуть на себя силы противника – главная задача 3-й Ударной армии. Возьмёте вы Новосokolьники или нет – всё равно задачу будем считать выполненной, если притянете на себя силы врага, и он не сможет их снять с вашего участка для переброски на юг. Итак, своими действиями на длительное время, повторяю – на длительное время, сковать противостоящие войска и притянуть резервы ближайших немецких армий и армейских групп, что будет равносильно срыву переброски их на юг. В этом и состоит главная задача 3-й Ударной армии. Не бойтесь и обороны, главное – перемолоть побольше сил противника».

*Г.К. Жуков, штаб 3-й Ударной армии,
Сенчитский бор*

Вновь взрывами распорот
Простор, что у реки,
Один и тот же город,
Менялись лишь враги.

Французы, ляхи, немцы...
И немцы тут опять:

Пришли с холодным сердцем
Жечь, грабить и стрелять.

Коричневая свора,
Всемирный крестный ход...
Но знал отважный город:
Фашист здесь не пройдёт!

Не для того здесь предки
Костьми легли в пыли,
Чтобы сейчас их детки
Всю славу растрясли.

Ожившая история.
Логичны всё и часть –
Стояла пред Баторием,
Стоять нам и сейчас.

Ждут Жукова: уж он-то
Задачу разъяснит,
Из крови и из пота
Поможет сделать щит.

И Жуков строг и мрачен:
– Врагов сильнее рать.
Ближайшая задача
Её поизмотать.

Перемолоть дивизии,
Перемолоть полки!
Перемолоть – как миссия –
И танки, и штыки.

– Но это в топку дерзкую
Бросать и жечь дотла

Тела и жён, и детские,
И всех бойцов тела?!

– Бросать, – чеканит Жуков. –
Я знаю, что потом
Мне скажут, что лишь трупов
Я видел высший толк.

Мне скажут: «Ты на трупах
Сражений знал ответ».
«Убийца, – скажут, – Жуков».
Но выбора-то нет!

Пока орудийному лаю
Преграда – лишь слабая плоть.
Трагедия. Знаю я, знаю.
Но надо...
Перемолоть!

Молчали чины высокие,
Полковники, политруки...
Глушили остатки совести,
Пялясь от слёз в потолоки.

Их взгляды, как дни, тяжёлые
Выдержит только тьма.
Пальцы от курева жёлтые
В кулаки сжимает зима.

«Мне позвонил командующий Калининским фронтом генерал М. А. Пуркаев, сказал, что к нам выехал Г. К. Жуков и чтобы я его «не пускал» на передний край. А мой наблюдательный пункт – рядом с передним краем, в зоне пулёмётного огня фашистов. Куда же мне его не пускать? Приехал он с командующим артиллерией фронта генералом Н. М. Хлебниковым. Я доложил обстановку. Георгия Константиновича особо заинтересовала высота Воробейцкая – место самых ожесточенных боев и самое

напряженное место всего фронта окружения Великих Лук, тонкая такая прокладка, что ли, в которой дивизия Александра Львовича Кроника получала вражеский огонь и с фронта, со стороны деблокирующих фашистских сил, и с тыла – от гарнизона Великих Лук. А генерал Жуков приказал дать машину и пару автоматчиков и, вопреки моим попыткам остановить его, уехал к Кронику».

Генерал А.П. Белобородов

Отсидеться не удастся
По тылам да по штабам,
Хоть и лет «слегка за двадцать» –
Нынче здесь, а завтра там.

Не бывает командира,
Что солдату б не был брат,
Всё вершится перед миром,
На миру, как говорят.

Можно спрятаться в приказы,
Застегнуть плотней мундир,
Командир бывает разным,
Но он брат – раз командир.

Телефон – полуобщенье,
Если ты передний край
Не излазил лично, честно.
Да в окопе побывай!

Где труднее – там нужнее
Командирский зоркий взгляд,
Не балласт на чьей-то шее,
А расчёт и результат.

«Подкрепимся? – сытым хором. –
Соберём, что тыл послал?»

Жуков эти разговоры
Очень резко пресекал.

Покажи сначала местность –
Наш природный оберег,
Не затем мы шли от Бреста,
Чтобы пятиться весь век.

Покажи бойцов, оружие,
Будь на равных, не хитри,
Справны воины наружно –
То неплохи и внутри!

– Ну зачем стремиться в пекло?
Адъютанты, замы есть...
– Чтобы мнение окрепло
Лишь туда и нужно лезть!

– Там бомбёжки, там обстрелы.
– Важна каждая деталь.
А чтоб я остался целым –
Не комфронта то печаль.

Сам не видел – значит, вовсе
Ничего ты не видал,
Не в ответах суть – в вопросах
На ответ, что будет дан.

Листья ластиятся под ноги,
Ветер прочь фуражку рвёт...
– Шанс идти даётся многим,
Но не все идут вперёд.

Вроде, что передовая?
Что смотреть тот смрад и дым?

Но бойцы часы сверяют
По часам-то по твоим!

Где ругнёшься, где пошутишь,
Где расскажешь анекдот...
Вроде мелочь, но как шустро
Эта «мелочь» в плен берёт.

Да, снаряды, гимнастёрки...
Есть резон ещё один,
Балагур Василий Тёркин
К силе той необходим.

Побеждают не железом.
Не одним железом – факт!
Мало быть в расчётах трезвым,
Нужно «что» сменить на «как».

Телефон звонит надрывно:
– Жуков едет. Он в пути.
Не пускайте под разрывы...
А поди тут не пусти.

Что ни бой, то сразу веха,
Всё без дублей и всерьёз.
– Не пускать.
– Уже уехал.
Только пыль из-под колёс.

Лёгкий, на решенья быстрый,
Жуков, словно местный ад.
Он проклятие штабистов
И... проклятие солдат.

*«С высоты Воробецкой генерал Жуков вернулся часа три
спустя, покрытый пылью с головы до ног, – попал там под ар-*

тиллерийский обстрел. Теперь он хотел помыться. Мороз стоял крепкий, но Георгий Константинович разделся до пояса, вышел из блиндажа в траншею и попросил облить его из ведра. Закалённый был человек, очень сильного телосложения».

Генерал А.П. Белобородов

Напряжены до нервной дрожи
Здесь воздух, лес и облака.
Приехал пылью запылён
И снежной крошкой слегка.
– Что Кроник?
– Под обстрел попали.
Долбили фрицы, что есть сил,
И дозы смертоносной стали
Летели сквозь огонь и синь.

Внизу – дома, овин и церковь,
Но бьют из внешнего кольца,
Снаряды падают прицельно,
По два – на каждого бойца.

– Они ж в осаде напряжённой.
Снарядов должен быть предел.
– Прорвался планер к окружённым.
Всего один, но пролетел.

– Снаряды, как нужны снаряды!
Но ничего. Урок был впрок.
Резервы, подкрепления – рядом,
Лишь нужно подождать чуток.

Там, на переднем крае встань-ка,
Ползком всё, камуфляжа грим...
– Георгий Константиныч, баньку?
– Нет, с банькой лучше погодим.

Разделся. Выглянул в траншею.
По пояс генерал раздет.
– Наш Жуков, – слышен рядом шелест, –
Не просто генерал, атлет!

Встал Жуков, коренастый, жильный,
Кивнул солдату:
– Ну же, лей!
Тот мнётся.
– Не робей, служивый.
Воды помыться не жалеи.

Мороз под двадцать. Зябко всяко.
Блиндаж, заснеженный простор...
А Жуков только охнул, крякнул,
Ещё и снегом грудь растёр.

Солдат не верит:
– Разве любо?
– Ты лей, – улыбка из-под рук. –
Нам стужа – русская подруга,
А холод – главный русский друг.

– Ну, крепок, – плятятся солдаты.
Бывает главный, что есть сил,
Разнос устроит, пустит матом,
Но этот... всех опередил.

Бывал в Гражданскую рубака,
Сейчас такой же оголец,
Свой парень, только не рубаха,
Начальник первый и боец.

Помылся Жуков на природе,
Растёрся, щурится казак.

Собрался в путь:
– Белобородов,
Чайку наверх и я – назад.

Дадим пинок фашистской мрази.
Попомни, планы говоря.
На животе, бывало, лазил,
Но лазил так совсем не зря.

Я много требую, так что же.
«Ты беспощаден» скажут мне.
Но я к себе гораздо строже,
С себя я требую вдвойне.

Хотел бы побеждать всечасно
Без трупов, боли, без атак...
Да вот фашисты не согласны
Сдаваться русским просто так.

Да, нужно где-то на пределе
Нам жить, сгибая жизнь в дугу,
Ведь дух живёт в здоровом теле,
Живёт, хоть через не могу.

Уехал Жуков. Но зимою
В траншеях часто, невпопад,
Вдруг обольётся ледяною
Водой один, другой солдат...

Протрутся снегом, крякнут, охнут,
Как прежний пришлый генерал,
Под орудийный тяжкий грохот.
– Как Жуков ты, братишка, стал.

Смеются весело, с подначкой:
– Такие стоят сразу двух!
– Плесни водички на удачу!
– Есть лёд в ведре – так крепче дух!

«Известный полководец оказался бывшим начальником и наставником нашего командира дивизии, когда тот ещё служил старшиной эскадрона в далёкие годы после Гражданской войны. Встреча однополчан была сердечной и трогательной.

– Вот когда я тебя разыскал, - шумел кряжистый, суровый на вид полководец. – Ничего, держишься молодцом. Малость постарел, а есть порох в пороховницах. Докладывай, как готов к штурму».

Боец 357-й с. д., писатель М.А. Лямин

Знакомый профиль волевой.
Боец даётся диву:
– Сам Жуков на передовой?
Зачем спешит к комдиву?

Другой боец у блиндажа
Заметил просто, строго:
– Их дружба крепка и свежа
Ещё с двадцать второго.

Наш Кроник с Жуковым служил.
И тут – такая встреча!
– Друзья, кажись.
– Да не «кажись»,
Раз поспешил под вечер.

Он на КП мог и с утра
Приехать с наших улиц.
Друзья, видать!
– И наш-то рад!
Как командиры встрепенулись!

– Встречай.
– Товарищ генерал.
Как в молодости, рядом.
– Смотрю, что Луки, вроде взял.
– Добавить бы снарядов.

– Добавим. Нет, не постарел...
– Сейчас сообразим мы ужин.
И ты всё так же в гуще дел,
Георгий Константиныч, друже!

Обнялись только, вдруг на свет
Встал третий к ним из полумрака.
– Фадеев? Ты?
– А разве нет?!
Не ожидал?
– Санёк, чертяка!

Как тесен мир и узок круг.
Кто б мог предвидеть эту встречу?!
Однако, громче сердца стук
И впереди – короткий вечер.
Один был друг и сразу два!
– Фадеев, ты в каком запасе?
– Пишу для «Правды».
– Всё слова.
Давайте чаркой встречу скрасим.

– А всё же в этом есть резон,
Что мы все трое в этом месте
Сошлись, как будто на поклон
Пришли к земле в веках известной.

Нас как собрала та земля,
И Луки сами спросили,
Здесь Русь, страдая и моля,
Роняла слёзы от бессилья,

Здесь словно центр ключевой,
Века России – в абсолюте.
– Ну ты хватил!
– Смотрите, вот
Войну сравню с метелью лютой.

Крутила, с ног валила всех,
Пока весенняя отрада
Не возвратила жизнь и смех,
Весна – награда Сталинграда.

Один на юге Сталинград.
Другой на севере, то – Луки.
– Ты, Саш, – поэт.
– А автомат –
Моё перо, что просят руки.

Слова – что пули, книга – танк...
– Не знаю, что нас здесь собрало,
Но это так прекрасно, так
Здорово...
– Лишь спирта мало...

Все засмеялись. Пир душе
Здесь с довоенными друзьями
В простом командном блиндаже.
– Мир довоенный ожил с нами!

Друзья, мы словно спасены,
Машину времени взяв эту,

Всё, словно прежде, нет войны.
Пусть есть война, но словно нету!

«Выясняется и еще одно, совершенно уже невероятное обстоятельство. Полководец, оказывается, играет, и хорошо играет, на баяне.

Где-то в охране штаба отыскивали старенький инструмент. Ремень привычным движением кладется на плечо, пальцы делают молниеносную пробежку по ладам, широко развернуты мехи, и возникает тихая, задумчивая и печальная мелодия. Два голоса – тонкий фадеевский и хриловатый баритон полководца – переплетаются, как бы обгоняя друг друга:

*Позарастали стёжки-дорожки,
Где проходили милого ножки.*

И когда дело подходит к припеву, в приятный этот дуэт влетается хриплый после вчерашних телефонных разговоров бас комдива...».

Фронтowej журналист Б.Н. Полевой

«Позарастали стёжки-дорожки,
Где проходили милого ножки,
Позарастали мохом-травую,
Где мы гуляли, милый, с тобою».

Позарастала страна, со страной
Всё изменилось вместе с войною,
Нет ни дорожек, тем более стёжек,
Лишь поднимается дым от бомбёжек.

«Мы обнимались, слёзно прощались,
Помнить друг друга мы обещались.
Нет у меня с той поры уж покоя, –
Верно, гуляет милый с другою».

Всё сейчас стало нескладно, неловко.
Милый с другою? С другою винтовкой?

Милый гуляет? Мечты не неволю,
Но только гуляет по минному полю?

«Если забудет, если разлюбит,
Если другую мил приголубит, –
Я отомстить ему поклянуся,
В речке глубокой я утоплюся».

Да и топиться тут нету резона,
Стон не заткнёшь, не укрыться от стона,
Дом разбомбили, от дома – воронка,
На мужа по почте идёт похоронка.

Пели и плакали, изредка пили,
Горе народа песней глушили,
Горе народа на песню ложилось,
Но не глушилось, совсем не глушилось.

Не о войне песня русская пелась,
И жизнь согревалась, звучала, терпелась,
Песня летела, в небо взмывая,
В город родной – от переднего края.

«Стёжки-дорожки...». Лица светлели,
Бойцы не пьянели от спирта и пели,
И мысли летели в ясные дали,
Песню горе в себе избывали.

Казалось, что вечною будет та рана,
Но в сердце приходит голос баяна,
И «мохом-травой» баюкает души.
Хочется – пой, а не хочется – слушай.

– Как же красиво!
– Душевно как вместе!
Чем круче война, тем лиричнее песни,

Тем серебристее месяц в окошке,
Тем так желаннее «стёжки-дорожки»...

Жуков играет, глаза чуть открыты,
Пыльцы, меха – в одно целое слиты.
Хор такой чистый, искренний, складный.
Лампа мигает из гильзы снарядной.

– Знаете, други, тому время впору,
Кто бой и труд не доверит дублёру,
Кто проявит всё своё наготове,
Кто и с баяном, и с шашкою вровень.

– Поверишь, не пел уже где-то полгода?
– Поверю. Для песен не срок у народа.
Но песни звучат не по срокам, и если
Война не отступит, добьют её песни,

«Позарастили стёжки-дорожки,
Где проходили милого ножки,
Позарастили мохом-травую,
Где мы гуляли, милый, с тобою».

«А наш главный артиллерист генерал Н.М. Хлебников сказал об их бдениях под огнём на высоте Воробецкой. Больше всего Николая Михайловича удивило не то, что член Ставки Верховного Главнокомандования вышел в окопы переднего края, а вывод, который Г. К. Жуков сделал, наблюдая бой, увидев немецкую пехоту, залегшую в трехстах шагах на западных скатах высоты. Отряхивая с шинели пыль и гарь, Жуков сказал: «Выдохся немец. Всё!»

Генерал А.П. Белобородов

– Как про снаряды говорили,
Что не хватает, что их нет...

Теперь мы встали в полной силе.
Снарядов вдоволь. Весь ответ.

Они утюжили бывало
Своим железом и огнём,
Теперь вот мы их добиваем
И где увидим – сразу бьём.
Смотри, фашисты просто жалки,
Как им не нравится сейчас,
Что не они нас в землю вжали,
А мы их.
– И не в первый раз.

Лежат на склоне, словно трупы,
Не поднимая головы.
– Калибр у нас и вправду крупный.
Тут не отвертитесь, увы.

Перемололи всё же фрица,
Он перестал настырно лезть,
Он смело пёр – теперь боится,
Всё! Немец выдохся, как есть.

Под свист снарядов, в комьях дёрна
Стоял счастливый генерал:
Дают совсем фашисты дёру,
Прицельно, в точку ты попал.

Смешно, снарядов не хватало...
Хотя не смех, скорее, зол,
Когда подумаешь, как мало
Тех, кто врага... перемолол.

О сколько их под снегом в поле
Легло легко за рядом ряд!

Добились. Всех перемололи.
И наши рядышком лежат.

Мороз. Но будто бы теплее.
Разрывов дым не ест глаза.
Бьют рядом наши батареи,
И вдохновляет каждый залп.

«Огонь!». И, значит, одолели,
Перемололи вал атак,
Всё подчинили общей цели.
«Огонь!». Повержен страшный враг.

Всё. Немец выдохся – как вывод,
Перемололи – как итог.
– Георгий Константиныч, вы-то
С начала видели тот срок?!

– Да, что-то видел, было – верил,
Но основное – тот объём,
Что наш народ содержит в венах,
Что от рождения при нём!

Михалыч, скажешь – это пафос,
Но истина и глубока
Тогда и тем, когда в ней краткость
И мудрость жилки у виска.

Пришлось подняться в новой силе,
Был главный для страны вопрос:
Не покорили б – истребили
Нас всех под ноль по плану «Ост».

Вот немец выдохся...
Как ждали
Таких вот дней блиндаж, окоп,

Эвенк в тайге, товарищ Сталин,
Крестьянка, волжский хлебороб...

Все ждали. Потому сегодня
Нам после тягостных недель
Так настроенье штурм наш поднял.
Летят снаряды точно в цель!

Вот город наш! Какое счастье.
Ещё не кончили войну,
Но постепенно очищаем
От чёрной нечисти страну.

Назад деревню за деревней
Берём. Назад – остатки сёл.
Вот город Луки, город древний,
Вновь независимость обрёл.

То не история – скрижали.
То память генов – не потеря.
Хоть было трудно – устояли,
Устал фашистский лютый зверь.

Стреляют метко наши пушки,
И знает каждый рядовой,
Что с нам рядом Тютчев, Пушкин,
Князь Невский, Мусоргский, Толстой...

*«За товарищеским ужином в моем блиндаже на КП дивизи
ии мы вспоминали совместную службу в 7-й Самарской кавале
рийской дивизии. И Жуков, улыбнувшись, заметил:*

*– А здорово вырос мой бывший старшина - дивизией ко
мандует, скоро генералом будет:*

Писатели заулыбались.

Я заметил в ответ:

– Ну, а вас тем более есть с чем поздравить: за восемнадцать лет пройти боевой путь от командира эскадрона до генерала армии:

И как о чем-то само собой разумеющемся сказал я тогда:

– Впереди у вас маршальская звезда.

Александр Фадеев, который сидел за нашим столом и который тоже не в первый раз встречался с Жуковым, предложил тост:

– *За то, чтоб все сбылось: За победу! За будущего Маршала и будущего генерала!».*

*Почётный гражданин Великих Лук
генерал-майор А.Л. Кроник*

Семнадцатого взяли Луки,
Врага настиг победный вал,
А восемнадцатого Жуков
Вновь поздравленья принимал.

Стал Маршалом герой сражений
На Волге, у Великих Лук,
Нет, не напрасны были жертвы,
Победы не приходят вдруг.

Не за звезду с врагом боролся,
Хотя приятна и звезда,
Жизнь выбирает полководцев,
В чьих именах есть города.

Лишь имя скажешь – голос выше.
Что стоит Сталинград один!
Берлин ещё... И «Луки» слышишь.
Хотя и тише, чем «Берлин».

Как это радостно и славно,
Когда за временем утрат
Приходит время новых званий,
Погон, салютов и наград.

Не всё же плакать и, в печали
Лоб подпирая пятернёй,
Привычно костерить начальство
И «жребий незавидный» свой?!

На самом деле, всё сурово
В судьбе и в профиль, и в анфас,
Оплатишь всё сполна: и слово,
И мысль, и дело... И не раз!

За каждой радостью есть горе,
За каждой грустью есть восторг,
Обречены не жить в раздоре,
Логичен выбор, ясен торг.

И вот пришла пора расплаты
За слёзы, за страданья, скорбь,
За все трагические даты,
За мрак с могильною доской.

Отныне время обретений,
Пора надежд, пора наград,
Вновь встанут городские стены,
Как сотни лет тому назад.

Вновь город Луки возродится
И станет краше во сто крат,
Хранимый верностью традиций,
Как Сталинград,
Твой старший брат.

Придёт пора, иные вёсны
На смену зимам поспешат,
И станет он орденосным,
Тот город – Жукова солдат,

Солдат России, вечной славы
Хранитель вечный на земле,
Правофланговый, верный, правый,
Урок и памятник войне.

Предупрежденье иноземцам
На каждом сантиметре здесь:
У городов Руси есть сердце,
Душа и Жуков тоже есть.

Не забалуешь. Всё серьёзно.
Вновь погибающий воскрес.
Большие маршальские звёзды
Сияют прямиком с небес.

«Первый раз Жуков появился под Великими Луками в штабе 3-й Ударной армии (который тогда располагался в Сенчитском бору) 19 ноября 1942 года. <...> Второй раз Георгий Константинович побывал под Великими Луками 28 ноября 1942 года. <...> Третий раз Жуков посетил Великие Луки 5 января 1943 года. <...> ...с 10 по 13 января снова был у нас, побывав на той же Воробецкой высоте».

*Краевед, почётный гражданин Великих Лук
В.В. Орлов*

В полях Подмосковья, у стен Сталинграда
За мирную землю, за мир городам
Полки поднимала святая отрада,
Клятвой звучало: Россия – награда,
Родную Россию врагу не отдам.
Дойдёт до Берлина победная лава
В кипенье сирени – и к стенам Кремля,
На Красную площадь. Так славься, держава,
На трёх океанах – сильна, величава.
Маршала помнит живая земля.

Твой подвиг не скроет печальная Лета,
Народ-победитель, узнавший в войне:
Где Жуков – там слава, где Жуков – победа,
Русская слава на белом коне.

**МАРШАЛ ПОБЕДЫ
ГЕОРГИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ЖУКОВ**

И ныне маршал Жуков
Шагает по стране:
Вот поднимает руку,
А вот он на коне.

В названьях тихих улиц
И шумных площадей
Стоит на карауле,
Идёт он меж людей.

Своих катая внуков,
Уже который год
Плывёт «Георгий Жуков» –
Роскошный теплоход.

Он так любил учиться
И так умел учить.
Сперва, в Москве столице
Работал за харчи,

Потом, кавалеристом
Навек великим стал,
Взойдя путём тернистым
На вечный пьедестал.

Ещё в погонах царских,
Как видно неспроста,
Он с удалью гусарской
Получит два креста.

Но главные ответы
Услышав в их словах,
Ушёл он беззаветно
За Красных воевать!

В степи сражаясь голой,
Штыков сомкнув ряды,
Учился у монголов
Движениям орды.

В лесах и в поле чистом
Он обрубал углы
И создавал фашистам
Кровавые котлы!

Вот Ельнинский, Демьянский
В сто тысяч человек!
И Сталинград гигантский
Запомнится навек.

Вот Корсуньский, как медный,
Сверкает раскалён,
И Одерский – победный
Во славу всех времён.

Жестоким распоряженьем:
«Нам нет пути назад!»
Он отстоял в сраженьи
Голодный Ленинград!

Идя навстречу Аду
Уже который год,
Он раздавал награды
И посылал «в расход»!

А в солнечной Одессе,
Сдержав преступный вал,
Бандитов не повесил,
А просто расстрелял!

Сейчас в разгуле оргий
Ворьё пустилось в пляс!
Ах, не святой Георгий!
Как не хватает Вас!

Он вёл на амбразуры
Безумие атак,
С врага сдирая шкуру,
Как опытный скорняк!

Он Маршалом Победы
Народом наречён,
И наглому соседу
Навстречу выйдет ОН!!!

У ПАМЯТНИКА ЖУКОВУ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

У штаба окружного, в коем
Служил он волею судьбы,
Великий Маршал, славный воин
Коня вдруг вздёрнул на дыбы.

И смотрит сверху вниз сурово
На город, где когда-то жил.
А рядом – улица Бажова:
С Бажовым крепко он дружил.

Два знаменитых человека
Сошлись, почувяли родство...
Дом на углу, где с барельефа
Сказитель смотрит на него,

На полководца и героя,
Что всем героям был пример...
Пришло на ум: у каждой Трои
Всегда найдётся свой Гомер.

Чтоб подвиг избежал забвенья,
Остался памятен в веках...
Быть может, это утвержденье
Прочёл у Маршала в очах?

Да, летописец – тоже воин
И полководец звонких слов...
В одном строю навеки двое –
И Маршал Жуков, и Бажов.

ЗАМЕНА

«На Урал, так-на Урал,
На Урале тоже служат!» –
Самому себе сказал,
Что и там он будет нужен.

«Ну, подумаешь, Москва?!
За неё я дрался жутко...
Есть здоровье, голова...
Так что ты не хмурься, Жуков!»

Всё отлично понимал,
Шёл туда, где смерть витала,
Мест чужих не занимал,
Их ему своих хватало.

Будет вечно на коне.
И куда бы ни послали,
Встанет он в своей стране
Бронзовым и на Урале.

ЖУКОВ

Даже Сталин его не тронул,
Хоть не раз он был не в чести,
Он всегда был лишь возле трона,
Но не думал туда взойти.

И всю жизнь за Отчизну бросив,
Он служил, сколько было сил.

И его уважал Иосиф,
И за подвиги возносил.

А что было там между ними,
Пусть останется лишь молвой.
И останется это имя
Вечное связанное с Москвой.

ПАРАД ПОБЕДЫ

Как вдохновенно вздыхают фанфары,
Красная площадь готова, хоть в пляс.
Не молодой капельмейстер поджарый
Руку над площадью вскинет сейчас.

Дождь моросит. И намокли знамёна.
Маршал Победы на белом коне.
Он обратится к полкам поимённо,
К тем, с кем Победу ковал на войне.

Всё закольцуется в этом параде,
И подведут все итоги войне.
И отзовётся парад в Сталинграде,
В душах солдат и в кремлёвской стене..

ГЕНИЙ ВОЙНЫ

*Маршалу Великой Победы
Г.К. Жукову*

Вот так всегда бывает на войне:
Баталии выигрывает гений,
Вобравший опыт тысяч поколений
И ставший в поле - с Богом наравне.
Но есть, однако, разница вельми.
Для Одного всего важнее души.
Когда покой на всей Земле нарушен,,
Он остаётся равным меж людьми.
Другому важно выиграть войну,
Пусть даже будет Пирровой победа.
Ему Господний промысел не ведом,
Когда полки бросает он во тьму.
Что ж, человеку Господом не стать?
Да и поверь, не для того он создан.
Любой ценой пускай стремится к звёздам,
Являя Богом даренную стать.

Борис Орлов

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

Мы покойных забываем.
Они помнят нас.
Справедливы солдатские войны,
Если выполнен точно приказ.

Всех погибших помянем достойно,
На потомков потом поворчим.
Справедливы солдатские войны,
А о маршальских мы помолчим.

ОДА ПОБЕДИТЕЛЯМ

Сегодня всё меньше волнуют победы.
Всё больше влекут нас чужие грехи.
Про них и снимают, и пишут всеведы...
Во славу всё реже слагают стихи.

Здесь каждый, кто в лоне земли родился,
Отметет порочной печатью греха,
Но тот, кто в бою иль в труде отличился –
Достоин быть в славе своей на века.

И Пётр отрекался, и Павел не сразу
В своих заблужденьях ослеп и прозрел,
Владимир Великий мирскую заразу
Не сразу с души своей сбросить сумел.

И князь Александр, и Суворов, и Жуков...
Их славы великой огонь не угас.
Мы знаем, победы рождаются в муках
И этим дороже победы для нас.

И в том их величие будет навеки,
И нам заплутавшим искомый пример,
Что жили такие ж как мы человеки,
Сумевшие взять свой духовный барьер.

Веди нас по жизни великая вера,
И пусть над душой не главенствует плоть.
Победы нам служат великим примером –
Грехи и ошибки рассудит Господь.

ИТОГИ

Чего о нём ещё не написали
И что не рассказали нам о нём,
Не те, кто вместе с ним Москву спасали,
Не те, кто с ним бывали под огнём?!

Но правды больше, и она дороже
Тем, кто не верит в ложь или навет.
Никто оклеветать его не может,
Никто не может отобрать побед.

И Жуков снова ходит на парады,
Надев на каждый праздник ордена,
И упрекать его ни в чём не надо,
Когда итоги подвела война.

НЕСГИБАЕМЫЙ МАРШАЛ

В жизни пасмурной нашей
Часто видится мне
Несгибаемый Маршал
На победном коне.

Смотрит гордо и властно,
Весь – в сиянье наград,
Он на площади Красной
Принимает парад.

Для бойцов он – как знамя.
В этом – Жукова суть.
Начинал под Рязанью¹
Он свой маршальский путь.

...Я войны не изведal –
Не поспел к тем годам,
Но отцову Победу
Никому не отдам.

Как солдаты на марше,
Вдаль уходят года.
Русских воинов Маршал
Впрок готовит всегда.

Вон он, в бронзе отлитый,
Длань державно простёр,

¹ В 1920 году Г.К. Жуков проходил кавалерийские командные курсы в селе Старожилово Рязанской губернии, в бывшем имении барона П.П. фон Дервиза, при котором имелся конный завод с манежем, существующий по сей день.

Вывел их – неубитых! –
На вселенский простор.

Если недруги наши
Нам войной пригрозят,
Вечный бронзовый Маршал
Новый примет парад!

24 ИЮНЯ 1945 ГОДА

Куранты бьют. И воздух замер
От захмелевшего дождя.
Глядят открытыми глазами
На Мавзолей и на Вождя
Шеренги, роты, батальоны,
Да что там – целые полки!
На древках гордые знамёна –
Чем не на память узелки?
Рука Чернецкого в перчатке
Ещё вверху. Оркестр молчит.
По исторической брусчатке –
Лишь цоканье восьми копыт.
И – встречный марш! Подобных звуков
Оркестр и сам ещё не знал!
Уже неслышный возглас: «Жуков!»
Строй победителей сковал!
Что вспомнил в миг великий Маршал,
Железный пусть, но – Человек:
Рейхстаг, к ногам бесславно павший,
Раздолье чистых русских рек?
А может, осень, сорок первый,
Начало битвы за Москву,
Когда, забыв про сон, про нервы,
Ковал бессмертье наяву!

Владимир Силкин

ПИСЬМА МАРШАЛУ

*Не сплю я, Маршал, снится мне война
Из письма Г.К.Жукову*

Читает письма Маршал и молчит,
А что тут скажешь? И ему не спится.
И видится опять в глухой ночи
Завёрнутая в белый снег столица.

И пробирает Маршала озноб,
И лютый ветер воеет под Москвою.
Но он фашистов точно вгонит в гроб,
Чтоб ни за что не проросли травую.

Как было это всё таки давно,
Как с ног в полях валила непогода...
И в снег врасти нам было суждено,
Не подоспей тогда Белобородов.

И в бой пошли сибирские полки,
Под Новый год несли врагу подарки.
И белый снег окрасил нам виски,
Хотя и был он чёрным, только жарким...

Прости солдат, и я не сплю с тобой,
Всё думаю, а мог бы я иначе?
И часто вспоминаю каждый бой,
И сердце не выдерживает, плачет.

ДОМ

Памяти Г.К.Жукова

Бывает так, хоть в прорубь головой,
Когда война идёт не по законам.
И каждый бой, он, как последний бой,
А за спиной уже ни батальона.

Но исчезает с неба синева,
И тучи снова наползают ловко.
Неотделимы Жуков и Москва,
Неотделимы Жуков и Стрелковка.

Но у него сожгли в Стрелковке дом,
В котором похозяйничали гады,
И он представит бывший дом с трудом
И содрогнутся на груди награды.

На пепелище он не встретит мать.
Одна печаль, одни сплошные беды.
И дома нет и некому обнять
Прославленного Маршала Победы.

Какая синь сегодня над Москвой,
Какая синь над бывшею Стрелковкой!
И Маршал в мыслях в дом заходит свой
И смахивает слёзы с глаз неловко.

ЖУКОВ

По брусчатке, по площади Красной,
Едет Жуков на белом коне.
Всё торжественно, празднично, ясно
И в душе, и в огромной стране.

Ничего, что изрядно устали,
Что не всем вручены ордена.
Улыбается сдержанно Сталин,
На котором большая вина.

Улыбается сдержанно, знает,
Что партийный его псевдоним
На устах у народа витает
И народом безмерно храним.

Только всё-таки Сталину жутко,
Что не он вот на белом коне,
А прославленный Сталиным Жуков
Все итоги подводит войне.

Ничего, он потерпит немного,
Неприемлем на праздник аврал,
Ну а Жукову, значит, дорога
На Одессу, потом на Урал.

Вскоре смолкнут победные марши,
Поутихнет «Ура!» над Москвой.
Едет Жуков, всего повидавший,
И рискует опять головой.

ПАРАД

Песня

Он глядит сейчас на внуков,
Не ложился ночью спать.
Легендарный Маршал Жуков
На Парад спешит опять.

Припев:

Оркестр сводный играет марши
И дарит радость своей стране.
Товарищ Жуков, товарищ Маршал,
Георгий Жуков вновь на коне.

А к ногам бросают розы.
Память долгая у нас.
Маршал Жуков весь из бронзы
На брусчатку встал сейчас.

А войска проходят рядом
И такая мощь и стать.
Жуков смотрит за Парадом
И не может устоять.

Рвётся конь Кумир на волю,
Чтоб пройти вчерашний путь.
Маршал Жуков всем доволен,
На Победу смог взглянуть.

ОБОРОНА МОСКВЫ

Им некуда больше жаться
И некуда отступить.
Штаб фронта в районе Гжатска
Не сможет резервы дать.

А значит, костями ложиться,
А значит, нельзя уйти.
Открыты сейчас к столице,
Доступны к ней все пути.

И Жуков глядит под ноги,
Решает, как доложить,
Когда под Москвой дороги
Уже приказали жить.

Ему отвечать придётся
Пред Господом и страной.
А может быть, обойдётся,
Пройдёт беда стороной?

Вот снова ракеты взвились,
А значит, стоят войска.
И Жуков садится в виллис
У выгоревшего леска.

За всё он потом ответит,
За то даже, что не мог,
За то, что на белом свете
К Победе шёл без дорог.

ОБОРОНА СТОЛИЦЫ

Он устоит и на Угре,
Но будут страшные потери,
И в том морозном ноябре
Он в божью кару не поверит.

А что там будет впереди,
Он под Москвой ещё не ведал,
Не знал, что будут на груди
Два русских ордена «Победы».

И будет радость свысока,
Когда придя сюда из Клина,

Его железные войска
Пройдут по городу Берлину.

ИНТЕРВЬЮ К.СИМОНОВУ В 1966 ГОДУ

Это интервью не публикуют.
Да, оно ещё запрещено.
Ну, какую правду там, какую
До сих пор хранит в себе оно?

Да, сдавались в плен и отступали,
И заградотряды были под Москвой,
И посланцы Ставки рисковали
В те часы своею головой.

Мысль о сдаче мы не отгоняем.
Почему сдавали города,
Мы ещё когда-нибудь узнаем
Или не узнаем никогда.

МАРШАЛЬСКИЙ ЖЕЗЛ

Маршальский жезл. Он тяжёл и опасен.
Маршальский жезл. Он безмерная власть.
Маршальский жезл возвышает и красит,
Только и с ним ведь недолго упасть.

Слухи уставшую душу терзают.
Как тут от грязи очистить её?
Только твои подчинённые знают
Как твою славу клюёт воронье.

Маршал Победы... Не все тебе рады:
Шёпот опять у тебя за спиной.
Целятся в сердце тебе, но награды
Не разлучают тебя со страной.

Это её ты спасал под Москвою,
Это она стала в жизни судьбой.
Ты за неё рисковал головою,
Ты рисковал ежедневно собой.

С неба спускаются майские грозы,
Звёзды дожди разъедают, как соль.
Не из какой ты, солдат, не из стали,
Если и в бронзе ты чувствуешь боль.

ОДЕССА, ИЮНЬ 1946 ГОДА

Ходит Жуков возле Дюка,
Обращается к нему:
- Воровать в Одессе Жуков
Не позволит никому!

С этим я покончу скоро,
Я тут буду править бал,
Чтобы жил приморский город
И спокойно ночью спал...

Сняли временно награды,
За Москву и Сталинград,
И участники Парада
Вышли в ночь на «Маскарад»¹.

Только выстрелы звучали,
Пары шли туда-сюда,

¹ «Маскарад» - кодовое название операции по ликвидации преступности в Одессе.

И бандиты получали
По заслугам, без суда.

А кого судить за это?
Тут не так, как на войне,
Если мразь из пистолета
Целит в сердце всей стране.

Катакомбы и пещеры
Опустели через год...
Говорят, что офицеры,
Говорят, что сам народ.

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

От планов разболелась голова.
Хотя б один не выполни попробуй!
Особое задание – Москва!
Особое решается особо.

А как решить, когда резервов нет,
Когда одни Подольские курсанты?..
Проходит ночь и над Москвой чуть свет
Провозглашают новый день куранты.

И Жуков карту расправляет вновь,
Сжимает карандаш в руках до дрожи...
И будет кровь, такая будет кровь,
Что враг по ней к Москве пройти не сможет.

5 ДЕКАБРЯ 1941 ГОДА

Рыщут волки по оврагам,
Ночь декабрьская темна,
И к Москве неровным шагом
Подбирается война.

Только поотстали танки –
Стынет топливо у них.
И молчит рубеж атаки,
И передний край притих...

Жуков сводки уточняет,
Не идёт к врагу на вы,

И наутро мир узнает –
Враг отброшен от Москвы.

ИГРАЙ, БАЯН!

Играй, баян! Прошли бои...
И ты в землянке миром бредил.
Фатьяновские «Соловьи...»
И Маршала вели к Победе.

Играй, баян! Фронтовику
В кругу солдатском так уютно.
Ты убедился на веку:
И жизнь, и смерть сиюминутны.

Играй баян! Домой веди,
В заросшие травую дали.
Но пусть не плачут на груди
Добытые в боях медали.

Играй, баян! Конец войне,
Без песни возвращаться жутко.
И подпевает в тишине
Давно не спавший Маршал Жуков.

ЖУКОВ В БЕРЛИНЕ

Он устало садится в виллис,
Оглядев со свитой рейхстаг.
– Ну, зачем вы к нам заявились,
Чтобы в русских сгнивать полях?

Для чего рисовали карты,
Обозначив на них блицкриг?

Вы забыли про Бонапарта,
Начитались ненужных книг.

Я отсюда сейчас уеду,
Неприятно разруху зреть.
Вам на память дарю Победу,
Вам не давшую умереть.

ПАМЯТНИК ЖУКОВУ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Когда-нибудь за всё придёт расплата,
И Нюрнберг подведёт итог войне.
И бронзового русского солдата
Нам Клыков изваяет на коне.

Прошедший от Москвы и до Берлина,
Он Маршалом Победы наречён,
Со славой богатырскою былинной
Навечно Маршал Жуков обручён.

Владимир Скворцов

ВЕНЕЦ ПОБЕДЫ

Народному Маршалу России

Всё больше похоже на эхо былин:
во льду Ленинград
и в пожарах Берлин...

Как жутко
знать правду о прошлой войне!
Но Жуков
венчает её на коне!

Когда мы гордимся, нас просят учесть:
Всё в прошлом осталось:
и доблесть,
и честь...

Неправда!
России даются с бедой
и Маршал народный,
и конь удалой!

Валентин Сорокин

БЕССМЕРТНЫЙ МАРШАЛ

Юрию Прокушеву

Драматическая поэма в трех частях и девяти главах

Действующие лица:

Жуков.

Сталин.

Иван Кузнецов – уралец, боец, друг Жукова.

Мать Жукова.

Наталья Кузнецова – жена Ивана Кузнецова.

Галина – жена Жукова.

Иван Кузнецов – сын Ивана Кузнецова, танкист.

Корреспондент – армейский журналист, поэт.

Шофёр Жукова.

Начальник поезда.

Гитлер.

Гудериан.

Паулюс.

Ева.

В эпизодах:

Бойцы. Русалки. Чёрт. Черти.

Пролог

1

Беда, звезду земли заволокло

Похмельное коричневое зло:

Смрад понавис – полмира охватил

Холодный страх надежд и предсказаний,

Смертей, предательств, казней и терзаний,
Кружится пепел, и гремит тротил.
На площадях Европы черный флаг.
И Минск, и Харьков кинуты во прах.
«Рабы – славяне,
Русские – рабы.
Им, холоуям, варить, стирать и строить!..»
И никому
Расистов не устроить –
Существовать без маршей и борьбы;
Земля моя, насильники твои
Из той одной неандертальской школы,
Как те, махан жующие моголы,
Бросаются в бои, в бои, в бои!
Земля моя, а сколько, сколько ж к нам
Им жаловать,
Нас унижать, сытея?
Доверчивость – глупейшая затея,
Безвольное движенье по волнам!

2

Земля моя,
Ты – нежная душа,
Земля моя,
Ты – умная опора,
Ты – правды клич,
Она ль не грянет скоро?
Мы дружно распрямляемся – круша.
Земля моя, ты – матери слеза,
Мгновенный вздох несчастной полонянки.
Куда мне деть повинные глаза?
Простите, ростовчанки, киевлянки,
Простите, деды,
Недруг на порог

Насел.
Густы трагические мифы...
В курган, в курган стучит его сапог,
В курган, где грозно отдыхают скифы!
Разноязыкий движется народ,
Как шторм, и свирепеет, и мятётся,
И ждёт, готовый к жесту полководца,
И замирает у родных широт.
Земля моя, ты – храбрая стезя,
И нас не испугают перегрузки
Труда, борьбы, –
Лишь забывать нельзя
Вести себя с достоинством, по-русски!
Земля моя, ты – избавленья меч,
Ты – жизнь,
Ты – совесть высшая на свете,
Ты – русская чарующая речь,
Мы – не арийцы – за тебя в ответе;
Мы за тебя привычно постоим,
Наперекор страданиям и мукам,
И впредь стоять незыблемо своим
Мы повелим
И сыновьям, и внукам!

3

Вам, фюреры, вам, берии времён
Грядущих,
Что спешат моим на смену,
Я говорю:
– Не суйтесь на арену,
Вы, черти, возмутители племён! –
Я говорю:
– А Родина моя
Меня просила рассказать о павших,

Замученных
И без вести пропавших;
Расстрелянный, убитый – это я;
Распятый, оклеветанный молвой,
Униженный, пристыженный, голодный,
Но внутренне, как динамит, свободный,
Не сник я перед вами головой!..
Чудовища, подвальные цари,
Крысиных вожделений чингисханы,
Вы прячетесь,
Ныряете в туманы
От первой, робкой взрывчатой зари,
Меня остерегаетесь – поэт,
Терновы укоризненные верви;
Вы извиваетесь,
Как в банке черви,
Едва коснётся вас гуманный свет,
Да, я иду вам память бередить:
Показывать,
Доказывать,
Судить!

Часть первая

Глава 1

Мать. Дом. Детство. Юность. Гражданская война. Жуков прощается с Иваном Кузнецовым и дарит ему на память свою гармошку. Иван уезжает на Урал. Через всю жизнь он пронесёт в душе верность к Георгию Жукову, командиру взвода, будущему легендарному полководцу.

Сталин. Жуков. Берия. Шофёр.

Она взошла привычно на крыльцо
И улыбнулась,
В глубине пелёнок –
Мальчишечье глазастое лицо:
– О господи, бутуз, а не ребёнок,
Как родила,
Едва не умерла,
И в церкви холодно! –
Ступила твёрдо.
И поняла – уместно нарекла
Георгием,
И повторила гордо:
– Георгий мой, Победоносец мой,
Взмыть на коне тебе, лихому тёзке,
Идём домой, желанненький, домой! –
В сенях, в избе поскрипывали доски,
Поддакивали половицы ей,
Она кидалась: – Чать, продрог, морозец,–
Кормить скорей, поить тебя скорей,
Мужай, Георгий, мой Победоносец,
Мужай, ты много ласки одолжишь,
Жену возьмешь, ты нашим интересам,
Ты русской матери принадлежишь,
Мужай, тебя не объегорить бесам!
...А бесы будут, бес – где провиант,
Сметанка, маслице, щепотка соли,
Бес – там, где дарованье и талант
И цели достигающая воля;
Завозится печной, ухватный бес,
Закашляет дворовый, огородный,
А там по-свойски банный к ним пролез,
А там лесной, их дядя двоюрóдный,
А там районный бес, там областной

Чертина, загорелый, симпатичный,
А там коньячно-фруктово-мясной
Чертяка, охраняемый, столичный,
А там международный, не отвлечь, –
Он человечеству занятие ищет,
Посмей его идеей пренебречь,
Ни бес, ни черт, обидится Чертище:
Мигнет – бабахнут пушки по врагам,
Мигнет – шторма объявят берегам
Блокаду, непрерывную пальбу,
Мигнёт – и ты в проструганном гробу!
Крепыш вихрастый, быстро в те года
Он выросал – поляны, тропы, росы.
Пусть редко – хлеб,
Пусть часто – лебеда,
И холода над крышею, и грозы.
Играл в войну,
Ручьишко иль сугроб
Атаковал-форсировал, беспечен.
И локти оцарапывал, и лоб,
Который будет славою отмечен!
Беспечен?
Бурно, Родина моя,
Горят дворцы и падают короны,
И наводняют отчие края
Чужие генералы и бароны.
По мрамору завжикала картечь, –
Пора,
И Петроград краснознаменный
Басил:
«Вставай, проклятьем заклеимённый!» –
И грянул залп,
И ветер века – встречу!
Чванливо, Русь, на рубежах твоих
Зачавкали антантовы колеса.

Английские эскадры тупоносо
Разрыли воды,— кровь людская в них!
И юный Жуков кланяется: – Мать,
Не упрёкай и не кручинься, мама,
Я ухожу!
Он должен воевать.
Его дорога – от порога прямо.

Гармошка, ранец.

И – шагнул упрямо,
И – полетела конница, пыля.
Крутись, как заведённая, Земля!

Жуков
Вперёд, бойцы!

И храп коней, и дым
Повис, лоскутисто-пороховой.
И скачет он с уральцем, с молодым
Иваном Кузнецовым!

Топот, вой.

Жуков
Вперёд!

И брызги пуль из-под копыт.
Вперёд! – на ожирелый, наглый быт,
Быт связей, быт сословий, орденов,
Немых тупиц, лихих говорунов,
– Вперёд! – Георгий вскинулся в седле.–
Крутись, Земля, за счастье на земле!

И спешивались всадники – привал.

И чай кипел, чадили «козьи ножки».

Голоса бойцов

Георгий Жуков, ты ль не запевал?

Начни!

Не поленись-ка!

На гармошке?

Жуков

(пробует)

Как родная мать меня

Провожала,

Тут и вся моя родня

Набежала!

2

Живей, живей, гармошка с перебором,

И предрекай, и нарекай судьбу,

Огонь бунтарский по рябым просторам

На мечь, на смерть сзывает голытьбу.

И пахаря зовёт, и рудокопа,

И молодец встаёт за молодцом,

И угощает витязей Европа

Каленым, неразборчивым свинцом.

Иван Кузнецов

Я завтра отбываю на Урал.

Приказ вчера получен, на заводах

Рабочих нет!

Голоса бойцов

А разрешили б взводом

Поехать в цех!

Жуков

(пытается сунуть Кузнецову гармонь)

Сыграй!

Иван Кузнецов

Да я ж играл!

Живей, живей, гармошка удалая!
Заметил Жуков: там, во глубине,
Во тьме до Римской, дьявольски пылая,
Костлявый карлик пискнул на броне –
И стон пополз, и растекаться начал,
Но двигались колонны – касок блеск,
И карлик чёртом в грохоте маячил,
Пока в сплошной не превратился треск.
Моторы злились,
Траки трепетали, –
Так вот он, фюрер, вымахал какой!..

Жуков

(находит Ивана Кузнецова)

Устал, и вы, друзья мои, устали?

Дарю гармошку!

Полночь, непокой.
Заметил Жуков: океан огня
Затмил, залил пространство,
Громыхая,
Ложбины, склоны, плоскогорья дня.

Земля

(к нему подвинулась, вздыхая)

Огонь по весям русским хищно скачет!

Жуков

Ребёнок чей-то, заплутавши, плачет?
Клянусь я – ничего не признавать:
Ни холода, ни голода, ни лиха, –
Огонь ковать!

Земля

Себя в себе ковать!..

Из тьмы крылом взмахнула лебедиха –
И на сто вёрст, на тыщи вёрст вокруг
Не снег, а саван расстелила вдруг,
И на земной, гудящий сталью шар
Ордынцем глупым бросился пожар!

Жуков

Я спасовал, я фронт не удержал!

С луны на землю карлик пробежал...

Жуков

(про себя)

Немецкий дрессированный фашист,
Его претензии ко всем едины.
Нам пушки с танками необходимы
И самолеты,
Ими враг ершист;
Хвастлив железом и силён железом;
Не вилами, не дураком-обрезом
Разбойный праздник Гитлера пресечь:
Нужна броня и миллионы плеч,
Огонь и сталь, огонь и сталь, – врагу
На русском не резвиться берегу!

Взял горсть земли – она тепла, сыра
И, как виски его, сера, сера,
Как в волосах, в ней столько серебра!

И доложил он Сталину в Кремле:
– Две наши армии умрут в котле,
Мы отступаем!

Сталин

(резко)

Удираем, значит,
Геройские добытчики удачи?
Судить вас надо!

Жуков

Надо, а кого?

Меня? Не проще ль осудить того,
Кто в мирный день стрелял нас без оглядки?

Сталин

Война.

Берия

(встревает)

С врагами.

Жуков

Я в каком десятке?

Берия

Враг в руднике, и враг на борозде.

Жуков

(резко)

В телеге, в спальне собственной, везде –

И в сейфе, и в тарелке, и в кисете!

Берия

(искренне)

Враг может хаживать при партбилете.

Жуков

(громко)

Мне патриотов надо, есть они,

Я требую солдат!

Сталин

(резко)

Вы не одни.

Истерика – не лучший агитатор!

Жуков

(крича)

Я требую!

Сталин

(улыбаясь)

Спасибо, император.

Жуков смущенно уходит.

Берия

(на ухо)

Арестовать?

Сталин

(зло)

Лаврентий, подожди,

Как над Берлином водрузим знамёна,

Тогда во мне разоблачай шпиона.

Сусанин – ты,
Предатели – вожди!
(про себя)
Не русский я, но русское во мне
Кандальное неистовство и горе...
Вот Жуков, придирается – и спорит,
Грубит, а ведь необходим стране;
Скромны Буденный, Ворошилов с ним
И Тимошенко,
Жуков крут и ясен,
Талант его прекрасен, ум прекрасен.
И нервничает, и пылит – раним?
Не русский я, но русская земля –
Святыня наша и опора наша!

Берия

(на ухо)

В плену твой Яков.

Сталин

(пораженно)

Новость!

Берия

Смерти чашу

С другими он разделит?..

Шевеля

Кисть скатерти,

Очнулся Сталин: – Вон!

Мрак.

Осень.

Кремль.

Курантов тяжкий звон.

Сталин*(про себя)*

Что нас вело? Ниспровержение власти
 И ясность правды, – власть в моих руках,
 А счастлив я и дал кому я счастье?
 Не дал
 И проклят, кажется, в веках!..
 Терял друзей и наживал врагов,
 И Гегель хорошо сказал: законы
 Есть предопределение короны.
 Стихия вырвалась из берегов,
 Война, а я за договор радел,
 Радел с народами страны сродниться –
 И бронзой, мрамором укорениться
 На высоте благих и светлых дел!
 Радел, а кто я – прорицатель, бог?
 Забыл нужду, а приходилось мыкать,
 И статуи поучредил натывать
 Себе,
 А зодчим премией помог...
 Где истина? И я большой глупец,
 Задатки идола во мне проснулись,
 Товарищи в гробу перевернулись.
 Война, тщеславыю моему конец.
 Вес бронзы ироничен, в общем, пуст,
 Поскольку сам его благословляешь,
 Захочешь – в рост,
 А пожелаешь – в бюст,
 Бессмертьем, как дурак, ты управляешь!..
 Недавно розоватый боровок
 (С «вилком», отполированным до свиста,
 Расшитая сорочка) приволок
 Чернильницу с Днепра, из аметиста;

Долбил скалу, породы выбирал,
Крошил, точил, подпиливал и клеил,
И так юлил, и так скулил и блял,
Не удержался я и наорал!
Как барс, я с оппозицией дерусь,
И Лев Давидович – блестящий Яго,
Семиголовый змей, я не берусь
Расшифровать,
Не вытерпит бумага.
Меня щадил он? Не щадил. Попал
Под лопасти – зацепит и закрутит,
И я рубил, и он меня вкопал
В дол окровавленный, аж душу мутит.
В кровавый зев я кинулся, и в кровь
Я вывозился с ним, и кровью вымок...
Бронштейн – кровавый выхаркнутый вымах,
Рак общества, я подтверждаю вновь!
Что нас вело? Мы каторгу прошли,
Нашли мы правду, счастья ж не нашли!

А Жуков мчался по Москве, шофёр
Баранку тронул: – Замерла столица!..

Жуков

(про себя)

Ужасный получился разговор.
По-юношески фыкать не годится.
Ответственная мудрость мне нужна,
Солдат и генерал в меня поверить
Должны,
И с ними – армия должна;
Отныне я секунды буду мерить
Лишь делом, продвижением вперед.
Москва.
Берлин.

Фронты.
Противник прёт.
Я тысячи сынов пошлю на смерть,
И братьев, и отцов...
Могилы эти
Укором вечным встанут на планете!
(вслух)
За Родину!..

Шофёр

(про себя)

Не смей мешать, не смей.

Случайно ли навеялось ему,
Копытом конь в калитку бьёт, и голос:
– Влетай в седло, скачи со мной во тьму.
Там, за Калугой, поле расколосось,
И пышет ад, и в небеса летят
Отравую рыгающие черти,
Избе хотят и городу хотят
Крестов, крестов, крестов хотят и смерти! –
...И он в седле, и конь несёт его,
Храпит, бросаясь в зарево, безумец,
И не щадит Георгий никого,
Звонит восторженно единогозубец,
Копьё сверкает,
Шпорами коня
Гневит, торопит всадник,
Смолкли черти!

И – тишина!

И – водопад огня

Обрушился опять из чрева смерти,
Взметнулся птицей жаркогривый конь
Над избами, над городом, над Русью –

Через огонь, в галоп через огонь,
К речушке пескариной, к захолустью!

Жуков

(про себя)

И – тишина? Идёт, идёт война,

И, как догадываюсь, не одна!..

Глава 2

Германская империя. Фюрер ходит из угла в угол по кабинету. Коротко, но резко говорит то с Гудерианом, то с Паулюсом. Открывается дверь – появляется Ева.

Жуков под Вязьмой. Разрушенное село. Генерал. Журналист – армейский корреспондент.

1

Железный рейх, железные войска.
Орудий дула дышат у виска
Планеты, обогретой солнцем летним;
Июньский марш,
Он станет ли последним?
Солдаты рейха бросят бомбовоз
На Лондон,
На Париж
Иль на Варшаву –
И спеленает гибельный хаос
Любую неразумную державу!..
Матросы рейха бросят корабли
По океанам, ухающим зычно, –
У берегов индийских патрули
Откозыряют свастике привычно;
Германия, глотающая пасть,
Германия, бурлящая утроба,

К ногам твоим старается припасть
От страха параличная Европа,
И над тобой Берлин – стальной скалой!

Гитлер

Сровнять Москву, развеять Кремль золой,
Арийцы, мы перед лицом эпох
И даже незачатых поколений
Обет даём, и нам поможет Бог
Разбить врага в азарте наступлений,
Задача наша – ладан и огонь!..

Гудериан, Паулюс, Ева кивают.

И вскинул фюрер плоскую ладонь,
Сухую, пятипалую острогу,
Затылок почесал: – Молитесь богу!

Ева

Ты яростен, ты гневен, великан,
Ты – немцев зов, ты – нищезанства гений!

Гудериан

Не бечева, а танковый аркан
России сдавит горло;
Промедлений,
Мой фюрер, нет для крупповской брони,
Преграды нет, серьезной и реальной.
Смешон перед броней дух моральный,
И это – остро чувствуют они!

Гитлер

В поход, пока сопутствуют нам дни!
Не падает Москва?

Гудериан
Но упадёт.

Паулюс
И колосистый герб её завянет.

Гитлер
Смелее к Волге!

Паулюс
Не хотят славяне
Оружие бросать.

Гитлер
Война идёт;
Славяне – равноценнее скота,
Они разобщены между собою,
Белград, София, Прага!

Гудериан
Да, взята
Европа вся, и чуть ли не без бою.

Паулюс
Однако, фюрер, русским помогать
Славянские народы будут вечно.

Гитлер
Вас, генерал, благодарю сердечно:
Славяне вечны, надо полагать?..
Вскочили генералы как один.
(всем)
Рабы, скажите, кто ваш господин?

Паулюс

Мой фюрер, отдохнуть пора бы вам.

Ева

Простужен он, и нет конца делам.

(уводит фюрера)

2

Гитлер

Пускай визжит газетный соглядатай:

«Фанатик и ефрейтор бесноватый!»

Я – кочегар, я распатронил жар

И в мир пустил разбойника – пожар,

Я – кочегар, и плача, и кляня,

Текут народы в камеру огня,

Я на вершине времени стою

И славу полководцам раздаю!

Гербы, культуры, гимны, языки –

На переплав! Я мученик идеи

Арийской,

В топку ангелы, злодеи,–

«Пантер» и «тигров» не остры ль клыки?

Художники славянские, волхвы,

С народом жить и умереть с народом,

Ни пивом не купить,

Ни бутербродом,–

На виселицу

У руин Москвы!..

Нет русских книг, журналов и газет,

Учений, философий русских нет,

Нет клубов, нет советов, нет собраний,

Для русских – ни сочувствий, ни стараний,

Их важно сбить, отторгнуть, задушить!

Ева

А остальные?

Гитлер

Нечего спешить,
Мы над рабами вынянчим рабов
Верхушку,
И не надо быть Сократом:
Верхушка приручается развратом,
Банкетом, путешествием, парадом,
Пайком из продуктовых погребов;
Мы вывезем железо, уголь, газ,
Мы изумруды выгребем кирками
Рабов, как продолжается веками,
Спать, спать хочу!

Ева

Да, милый, поздний час.

Гитлер

(фанатично)

Я – кочегар, я, рано или поздно,
Вселенную одряхшую взбодрю,
Текут народы!
(съежился нервозно.)

Ева

(огорченно)

Ну что с тобой?

Гитлер

(вяло)

Историю творю.

Ева

Мы победим.

Гитлер

(вяло)

Не смею возражать.

Ева

(бледнея)

Мы победим, я заявляю точно,
И, чтоб всегда мы управляли прочно,
Мешайте русским думать и рожать!..

(обнимает фюрера)

Свет погашу, устал ты, дорогой,
Устал от сводок, тягостных и долгих.
Москва стоит?

Гитлер

Мы сделаем другой,
Внезапный ход, вкогтимся в спину с Волги,
Не хвастаться о планах, не кричать!

(испуганно)

Скажи мне, Ева, если проиграю
Войну,
Один я буду отвечать,
Удастся ль мне найти дорогу к раю?

Ева

Ты выиграешь – пожинать тебе,
И проиграешь – пожинаешь ты же,
Аттила ты, и я в твоей судьбе
Другой судьбы покамест не предвижу,
Аттила, власть – превыше женщин сласть,
И постараться надо не упасть;
Владык владыки топчут,
На костях
Владык

Владыки делают карьеру
И мертвецов порой зовут к барьеру
Во имя утверждения!..

Гитлер

Пустьяк.

Ева

(зачитывает из Библии)

Мы на земле не дома – мы в гостях.

3

А на холмах под Вязьмой пушки, пушки
И танки наши в гари и в пыли.
И древнее рыдание кукушки,
Как будто плачет чья-то мать вдали,
А на холмах под Вязьмой густо, густо
Лежат солдаты в мураве-траве.
И – тишина.
И – в мире страшном пусто.
Лишь крик кукушки тает в синеве.
Лежат бойцы недвижно на опушке.
Свежит цветы кровавая роса.
И древнее рыдание кукушки.
И древние над Русью небеса.
Здесь сам Кутузов
Присягал на верность
Отечеству, – разрушенный собор
Хранит преданье!..
И забот безмерность
На Жукова надвинулась в упор.

Сожжённые под Вязьмой танки, пушки;
Неравный бой по склонам отзвучал.

...О ком рыдают древние кукушки?

Фуражку Жуков снял и замолчал.

(замечает)

Изба, а возле щёголь-журналист

И генерал.

Журналист

Смоленская сторонка!..

Генерал

Грех постничать, отведаем цыпленка?

Журналист

В желе.

Генерал

В желе?

Жуков

Аскет я, моралист.

Генерал

А, знаете ли, я люблю поесть.

Жуков

(весело)

Попить, наверно, любите?

Журналист

(улыбаясь)

Пожалуй.

Генерал

Я, в общем, так сказать, натуры шалой.

Жуков

(удаляясь)

Желаю вам удачи.

Отдал честь.

Журналист

Не помню где, но я встречал его.

Генерал

(поднимая кружку)

Один за всех!..

Журналист

(поднимая кружку)

И все за одного!..

Глава 3

Танкоград. На улицах сугробы. За сосновым бором гудит поле, где испытываются новые машины. Иван Кузнецов провожает сына, танкиста, тоже – Ивана Кузнецова. Отец дарит сыну жуковскую гармонь. К ним подбегает корреспондент. По ночам старый мастер говорит с женой Натальей о сыне.

1

Звенит, звенит заиндевельный бор,
Звенит с утра и до утра
Металлом,
Набухли реки и распадки гор, –
Седой Урал в сиянье небывалом.
Здесь поднимал Ермак охранный меч

Над рваною Кучумовой ордою.
Урал, он призван Родину беречь,
Какой его испепелишь бедою?
Здесь Пугачев распахивал кафтан,
Огнем свободу смерда возвышая.
И зорями насыщенный туман
Багряно плыл,
Глядеть на мир мешая.
Здесь по степи метельной горячо
Летел в кибитке Пушкин вдохновенный,
И вился у него через плечо,
Распластываясь,
Шарфик дерзновенный.
Отцовский край,
Прапрадедовский край,
Вставай, уже фашисты под Москвою,
Незванных, наглых, диких покарай
Тоскующей по битве булавою!
В печах мартенов пламенеет месть,
Клокочет, и, захлёбываясь яро,
Она поёт одну и ту же песнь –
Святую радость скорого удара;
Ручьи, потоки, за рекой река
Расплавленно бежит, не умолкая.
Броня России, вот она какая,
И танки, танки, поле утыкая
Собой,
Рванулись – пали облака!
И Кузнецов Иван обнял отца:
– Бывай здоров!
– Бывай! – смахнул тот слезы.
И вздрогнул танк, и снежная пыльца
Отцу на шапку брызнула с берёзы.

Иван Кузнецов

(сыну)

Возьми гармонь и помни: кузнецам
Ковать и воевать – одна работа,
Милее и отрадней запах пота
В труде, а не в войне, я знаю сам;
А вдруг ты встретишь Жукова?
Постой,
Постой, сынок!

Отец заволновался:

– Скажи, я наигрался, наковался,
Его забытый друг, кузнец простой.
Ещё скажи – война, а чья вина,
Мы жили, никому не угрожали,
Ковали плуги и детей рожали...
Тебя пусть бережет, гармошку на,
Его она, учти. Прощай, сынок!

Вздыхнул и сник отец, как занемог.
...Посапывая, к ним со стороны
Майор поспешно подскочил с блокнотом.

Журналист

(старшему Кузнецову)

Работают моторы как по нотам?

Кузнецов

Играем, экий праздник у страны!..

А танки шли, а танки шли и шли,
И грохотал Урал, и эти грозы
К Москве
И к Сталинграду паровозы,
Порывисто свистящие, несли.

Железный шторм.
Ревущий вихрь колонн,
Урал, глубоко траками изрытый,
Стальным, горячим панцирем покрытый,
Кузнец и воин, наш тебе поклон!

2

И к горну встал кавалерист-кузнец:
– Приспел момент, ну, знайте Кузнецовых! –
И тысячи моторов образцовых
Стучали с упоением сердец.
Но по ночам, как чей-то стон в окошко,
Пугала утомленного отца
Рыдалистыми всхлипами гармошка,
Звения в пути, который без конца.
Он вскакивал: – Натальюшка, Наташа,
Проснись, голубка, али брежу я,
Рыдает за окном гармошка наша,
Что Жуков подарил, гармонь моя? –
Жена покорно поднимала очи
И вслушивалась, ввинчивалась в ночь:
– Сынок ты наш, а где же ты, сыночек,
Не увидать тебя и не помочь!
(вздыхая)
Рассвет.
Вставай и завтракай, на смену
Пора тебе.

Иван Кузнецов

Пора, жена, пора.

Наталья

Зачем, отец, растил себе замену, –
Война Ивана сдула со двора.

Дрова трещат в голландке неторопко.
Дымится чай.

3

Щеколды вялый бряк...
И повела отца к заводу тропка.
Насупился кузнец и понабряк.
А над уральским пасмурным простором
Клубилась мгла железа,
И во мгле
Гудел огонь, бросая свет на горы,
И колотил крылами по земле.
Бушующий, с орлиною повадкой,
Он затмевал равнины и холмы.
А где-то молодуха над кроваткой
Приплакивала голосом зимы.
А где-то брат
Тянулся ближе к брату.
Сестра – к сестре,
Изболевалась мать.
Война, война, твою печаль и правду
Живому невозможно понимать!
И Танкоград за горной синевою
Все гнал и гнал,
И сплачивал в ряды
И танки, и «катюши» под Москвою, –
Урал не стерпит чуждого конвоя,
Не потеряет ратные черты!

Часть вторая

Глава 1

Москва. Кремль. Сталин. Жуков. Берия. Ночь. Рвы. Зенитки. Штаб за городом, куда возвратился Жуков. Образ матери. Поэма журналиста о Сталине. Шофёр. Потрясенный Гудериан.

1

Вокруг Кремля вращается Земля.
Я с детства знал и верую донныне:
Наш красный Кремль –
бессменная твердыня,
Да, да, Земля идет вокруг Кремля!
Суровые молчат колокола,
Суровое над ними солнце блещет.
Суровый луч в зубцах стены трепещет,
Сурово синь над башнями легла.
И купола шеломами блестят.
Курантов гордых звук победоносный.
Не плиты,
А эпохи шелестят
В прозрачной сизоватости морозной.
Курантов звук,
А стрелки – как мечи!..
По цифрам лет, веков неугасимых
Приди сюда, взгляни и помолчи,
Когда твоей душе невыносимо.
Приди сюда с любимой иль с детьми
И поклонись немеркнувшей святыне.
Песчинку в руки бережно возьми –
Мгновенье остановится, застынет.
Приди сюда, когда обиды боль

Тебя гнетёт,
И ты увидишь ясно:
Ничто твоя неверная юдоль,
А жизнь и Кремль
Действительно прекрасны!
Отсюда длани пялил в океан
И русские означивал границы
Воинственный и грозный Иоанн,
Как выжженный булыжник, темнолицый.
Здесь окропила лестницу зари
Молитвой Куликовскою планета.
И Дмитрия Донского звонари
Не спят на стражкей полосе рассвета;
Сосредоточивается борьба
За синие луга, леса и воды.
Наш красный Кремль, красна твоя судьба,
Красны твои герои и народы!

Сталин

Скажите, Жуков, можно ли Москву
Нам защитить?

Жуков

Товарищ Сталин, можно!

И Сталин трубку выбил осторожно:

– Что нужно, назовите.

Жуков

Назову.

Сталин

Москва, Россия, Родина – она
Не может быть противнику сдана.
Не может быть Москва сдана ему.

Что нужно, назовите, я пойму.
Не можем сдать, не можем сдать Москву,
Что нужно, назовите!

Жуков
Назову!

И он назвал дивизии солдат,
Внушительные цифры самолётов,
«Катюш» и танков, пушек, пулемётов
И даже автоматов и гранат!..

Сутуло Сталин встал из-за стола,
Пощёлкал ногтем, постучал по трубке:
– Не перемелем всё, как в мясорубке?
– Нет, нет!

И мгла за окнами легла.

Сталин
Дела, товарищ Жуков, да, дела.

Сел Сталин – встал,
Сел – встал из-за стола.

Жуков
(вздыхает)
Дела – как сажа, кажется, бела.

Сталин
Скажите, Жуков, русские – народ
Терпенья православного?

Жуков
Но если

Забывтые псы-рыцари воскресли,
Мы от ворот укажем поворот!

Сталин

(вспоминая)

А в Грузии – хребты и горы, горы
Высокие, там люди высоко
Мечтательны.

Жуков

Но горы не опора.

Сталин

(лукаво)

Россия, в общем, ровная, легко
Шагать по ней, и ехать, и катиться?..

Жуков

Коль человек – ступай, как говорится,
А враг – преграды, ямы и обвалы,
И умереть не страшно нам, и жить,
Такие в душах кованые скалы
Поднимутся – ничем не сокрушить!

Сталин

(разделяя слова)

Мы – русские, и наш удел такой:
У нас покой – и на земле покой!

Жуков

Достоинo силы и уменье копим –
Москва, Кавказ и Волга!

Сталин

Поторопим
Рабочий класс!

Жуков

Надежнее приказ,
Железо и огонь сжирает нас.
Расстрел за трусость, пятишься – расстрел;
Ни вы, ни я, никто перед грядущим
Не оправдается: на смерть идущим
Оружия не дали, поредел
Состав полков, мы растеряли их,
Солдат, в дождях свинцовых, проливных;
За каждым иль невеста, иль жена, –
Страшна вина, трагедия страшна!
Еще страшней холопствующий дог
В себе, в другом...

Сталин

Кто вас обидой донял?

Жуков

Вчера командующий фронтом Конев
Едва не угораздил в тот чертог,
Откуда и Малюта б не вернулся!

Сталин

Лаврентий подозрителен.

Жуков

И я.
Он защищает отчие края,
А Конев к фюреру переметнулся?

Сталин

(резко)
Переутомлены вы!

Жуков

Может быть.

Вина – вине, война – войне, и всюду

Преграды люду, праведному люду.

Как человеку дерзким не прослыть?

Сталин

И я жесток, и вы, – идет война,

Такая пляска дьяволов! Поверьте,

Есть в жизни вещи посложнее смерти!

Жуков

(волнуясь)

У совести преступной жизнь длинна,

Панфиловцы!..

Сталин

Активны москвичи?

Жуков

Наткнулся в суете на ополченца,

Под мышкою бердан и полотенце,

И – на передовую!

Сталин

А рвачи,

Завмаги, ювелирники впотьмах

Бежать надумали – где безопасней!

Берия

(входя и здороваясь)

Арестовали.

Жуков

И ещё ужасней –

Наподнимали панику в домах.

Сталин

(шутя)

Тебе б, Лаврентий, их укоротить,
А ты меня оберегаешь.

Берия

Путчей

Пока не наблюдаю, будет случай –
Я сам займусь!

Сталин

Не демонстрируй прыть.
А крикуны-трибунники бежали?

Берия

Мы брали, а они не возражали.
Один икру вскрывает на возу,
Сосет как мёд; я спрашиваю: – Что вы?
– Мы, – отвечает, – в бой всегда готовы,
А я в Ташкент подарочек везу!

И Сталин засмеялся: – Комары,
Погрязли в лужах роскоши и хлама,
Война для них не шире кухни драма,
Их животы – их главные миры!

Жуков

А немец нагл – недалеко Москва!

Сталин

(прищуриваясь)

Нагл.

Нагл.

Куранты.
Ветер.
Синева.

Берия

(поднимаясь)

Вчера Москва войскам салютовала.

Жуков

За линией нейтральной?

Берия

Мало, мало

Отбито территории.

Жуков

Да, да.

Берия

А вложено достаточно труда...

Жуков

И вы при этом постарались честно

На благо Родины...

Берия

А интересно,

Что именно имеется в виду?

Сталин

(Жукову)

Резервы, пополнения, подкрепления,

Понадобится – вы без промедления

Вводите.

Жуков

(уверенно)

Есть, при случае введу.

2

Уехал в штаб.

...Прибрезжилось – картошка,

Её чуть-чуть румянцем подожгло.

И мать, и друг-уралец, и гармошка,

А на фронтах о-ёй как тяжело!

И Жуков пригорюнился, и память

Стремительно показывала день:

Вихрастая, куделистая замять,

Плешивые домишки деревень.

Хибарка под Калугой кособоко

Трясётся в непогоде, мать его

Уводит в школу:

– В бедности порока

Не видят, Гриша, люди. Ничего...

Пусть зубоскалят, ироды, ты бедный,

Бедна твоя шапчонка и пальто,

Зато ты умный, крепкий и невредный,

И мой, Гришунь, не чей-нибудь зато! –

Она пряма, сноровистость и сила,

И смелость в ней, и много доброты,

Траву косила и мешки носила,

И Жуков сам себя спросил: «А ты?»

(повышая голос)

Глянь, мать моя, глянь: в отчие края

Ползет, сверкая чешуёй, змея,

И нет конца её чугунным латам!

Зачем ты родила меня солдатом?

Я хоронил друзей на трактах смерти,–

Кровь, кровь и кровь,

И карлики, и черти!..

Мать

(Жукову показалось)

Усни, сынок, я знаю: миллионы
Поднимутся в атаку за тобой,
Зашиты в гимнастерках медальоны:
Рожденья дата, имя, хутор...

Жуков

(в полузабытьи)

В бой!

Мать

Моя слеза – твой меч, твоя броня.

Жуков

Прости меня, благослови меня!

И грудь его от матери, и воля,
И этот лоб, улыбка и глаза.

Калуга.

Тула.

Куликово поле.

Бородино.

Военные леса

Шумят над блиндажами, и столица

Щетинится за дымкою в ночи.

Ему не спится – Родине не спится,

Москве не спится; память, замолчи:

Кому он скажет, перед кем развяжет

Мучительных раздумий узелок,

И сколько завтра жертвенно поляжет?

Ходи по жалу, смерти оселок!

И закрутился месяц, словно лист,
Прожектора прошили ночь, как гвозди.
За ними бомбы, чёрной смерти гроздь,
Из бомбовозов загудели вниз;
И вышли истребители,
И гром
Разрушил небо, обвалились тучи,
Дыхание зенитное могуче
Почувствовалось русское кругом!
И выплеснулись красные бинты
Дорог, бегущих нервно к Сталинграду,
И в мареве громада на громаду
Сползались завывающе винты.
Москва! – и слово радостно и долго
Звенит под сердцем, реет и летит,
Покуда есть у нас Москва и Волга,
Никто на свете нас не победит.

Не танки – стая воронов хотела
Клевать России золотое тело.
Они почили, вороны, черны.

Гудериан

(вылезая из танка)

Арийцы – жертвы северной страны,
Арийцы...
Забугрились желваки.
Перчатки сдёрнул, мелко потоптался.
И, бешеный, у танка заметался:
– Назад! – и резко стиснул кулаки.

Кто б ни был ты – перед родным народом
Замри и на колено припади:
Мы, русские, не тихая порода,
А с вечевым дыханием в груди.

И Маршал признаётся в час урочный:
– Ты не один, и ты ещё не ты,
Тебе страна вверяет полномочно
Штурвал боёв, а значит, правоты! –
...Штурвал боёв.
И красный Кремль, плывущий
Под красным сводом в красные моря,
И красный флаг,
На красный бой зовущий,
Развёртывает красная заря!
Взбодрился Маршал – дрёма отряхнулась
С окна, с дверей, с промёрзнувшей стены.
Извилисто по карте протянулась
Дорога битв грохочущей войны.
Из края в край она петляла долго,
И, как большая красная река,
Она катилась и впадала в Волгу,
Просторы ужасая на века.

У карты – Жуков.
Грезит ураганом
Земля, и возмущаются моря:
– Вот тут!..–
И над Мамаевым курганом
Флажок взметнулся, искрою горя.
Волоколамски, Горловки и Орши
Сомкнутся здесь – и, русской кровью пьян,
Стальной немецкий каркающий коршун,
Ломая перья, скатится в бурьян!

На столике газета, развернул
И угадал – поэма журналиста:
«За Сталина, вождя и коммуниста!»
– Ну, ну! – и замверховного зевнул.

Машина пробиралась меж кустов,
 Деревьев, рывин, взорванных мостов,
 Снарядов, мин, и дымов оружийных,
 И града пуль.

Шофёр

Нет правил гарантийных,
 Нельзя вам рисковать, ведь попаданье
 Осколка и – какое оправданье?
 Позор, не сберегли, солдаты скажут!

Жуков

(смеясь)

Враги усердно целятся, а мажут.
 Меня беречь, а кто же сохранит
 Его, по шею врытого солдата?

Шофёр

Вниманье, очередь из автомата!

Жуков

(громко)

Промазал немец!

Шофёр

(волнуясь)

Тьма оборонит!

Жуков

Все, брат, равны,
 А вижу мальчугана
 В Хабаровске,
 В Казани, например,

Голодного, босого, так погано,
Не перейти виновности барьер;
Живей, и вправо, забирайте в гору,
Сам посмотрю!..

И дверцу отворил:

– Огонь боёв полмира озарил.–

И выбрался к вершине Жуков скоро:

– Отцовская родная сторона,

Да, не игра, везде, везде война! –

И глянул вдаль, вдали – кровавый дым,

И красные кровавые берёзы

В лугу, как сумасшедшие стрекозы,

Звенели,

И над берегом крутым

Реки, окутанной в стальной туман,

Чёрт полыхал, Адольф, орангутанг,

Стальным огнём спеленатый и сжатый?..

Жуков

(про себя)

Конец тебе, войны стальной глашатай!

Глава 2

Сталинград. Наши окопы. Вражеские окопы. Паулюс не спит. Ночь. Доносится голос гармошки, на которой играет Иван Кузнецов, танкист. Вдоль линии фронта проходит Жуков.

1

А в Ярославле вышла Ярославна
За реченьку, за горькие луга:

– А где же ты, мой суженый, мой славный?

– Укутала свинцовая пурга! –

А в Новгороде к реченьке невеста

Поникшая выходит:

– Где же мой?

– Ему в могиле братской хватит места,

Остепенись, не жди его домой! –

А в Суздале девчонка у речушки

Спросила:

– Где же наши женихи?

– На их могилах, горлинки-подружки,

Цветы растут, обильны и тихи,

Покорные печалям незабудки,

От них такая льется голубень! –

...И шлепнулись забывчивые утки,

Как в озеро: налиты доли всклень

Горячею, унылой синевою,

Дрожит цветок, подросток, синь-цветок,

Под ним лежат ребята – головою

На запад.

Путь бездонен и жесток!

Стоят со всех концов Руси бойцы.

Костры горят по берегам предзимним.

Но Сталинград кольцом неотразимым

Затянутый; сыны здесь и отцы

Сошлись на пир – грядет гигантский бой,

Сражение держав непреклонённых,

И в тех и в тех знаменах пропылённых

Запутался едуче мрак слепой.

Два берега,

Две стали,

Две души,

Два мира – наш, родной, и тот, зловещий!

У переправы гневно Волга плещет,

Снаряды в ней – что камни-голыши.
О Волга, Волга, улица земли
Заглавного народа-исполина,
Вон журавли последним острым клином
Над синим плесом небо рассекли!
И синева рассвета разлилась
На синие холмы, по синим рощам.
По синим далям, перелескам тощим
Рассвет свою навязывает власть.
Рассвет, он нам самой природой дан:
Рассвет в Кремле,
Рассвет в Москве.
В России, –
Где с танками увяз Гудериан,
Над ним теперь дожди отморосили;
Рассвет на Волге!
Волга, мать-река,
Легенда русской непокорной славы,
Две армии,
Две броненосных лавы
Затихли над тобою для броска,
Планета в ожидании трепещет:
Рождается возмездия огонь!

Голоса бойцов

– На фронт приехал Жуков?
– Дай похлеще!
– Иван, а ну-ка разверни гармонь! –
Гармонь взяла разбег, запела в море
Рассветной, русской, ранней синева.

Шёл Маршал фронтом, в радиопросторе
Летели телеграммы из Москвы.

Голоса бойцов

А куда ж ты, паренёк,
А куда ты,
Не ходил бы ты, Ванёк,
Во солдаты!

Жуков

(гармонисту)

– Откуда ты?
– С Урала. Кузнецов!
– Иван?..
– Иван!..
– Ужель ещё ты молод,
Мой давний друг, тебя жара и холод
Не тронули?..

Иван Кузнецов

(шутя)

Боятся удальцов!..

Платочек вынул маршал из кармана:

– Простите, обознался!..

Иван Кузнецов

Вам привет

От друга, от уральца, от Ивана,

Я сын его!

(подаёт гармошку)

Сыграете?

Жуков

(улыбаясь)

О, нет!

Вот победим! –

Пообещал в ответ.

И расступились бережно солдаты,
И Маршал дальше медленно шагнул,
Под грузами забот – тяжеловатый,
И ждал его приказа виноватый
Святой расплаты запоздалый гул.

3

А Паулюс осознавал тупик,
Небритый, к раме тайно он приник.
Синел рассвет, не обещаю дня,
Звенела сталь, сыра земля дрожала.

Голоса бойцов

Как тут вся моя родня
Набежала!

И Паулюс подумал: фюрер прав,
Их надо бить, травить, рабов природы.
Арийцы мы, пред нами все народы
Должны смириться!

А рассвет, кровав,
Звенел, от синевы освобождаясь,
Звенела Волга, звон гулял окрест.

– Гудериан! – воскликнул он, шатаясь.
(про себя)

Гудериан почудился иль крест?..
(хватается за телефон)

Берлин?

Но связи нет – огонь и треск.
И света нет в подвале, нет воды,
Скрипят, он чувствует, виселиц ряды.

(про себя)

Удачлив Жуков, русские в него
Поверили, и бой под Сталинградом,
Из нас, из двух, – бесславые одного,
Ему – не мне командовать парадом!
Его оберегает бог войны,
Фатальный Марс – он помогает с неба
Ему?

О фюрер, нет моей вины,
Арийцы, мы без пороха и хлеба,
Арийцы, мы среди степных пустынь,
Славянских, нескончаемых, увязли.
У, эти Бресты, эти Гжатски, Вязьмы!..

(взмолился про себя)

Ты слышишь, Марс, ты к Жукову остынь,
Ты посмотри – я сотни городов,
Десятки стран под маршами протопал,
Арийцы мы!

И вскрикнула Европа,
И крик её катился до хребтов
Уральских и саянских!

Паулюс

(про себя)

Не могу
Победы факел уступить врагу!
Стучатся?

(ему кажется)

И настойчиво?

Но Кузнецов, танкист, восстал, седея:
– Гут, господин фельдмаршал, есть идея,
Я потерял глаза – берите их,
Берите их;

Я потерял в бою
Свет материнский, но России светом
Я вас караю,
Я перед рассветом
Вам гибель на гармошке пропою!

Глава 3

Руины Сталинграда. Мамаев курган. Волга. Танки. Самолеты. «Катюши». Командный пункт. Жуков, окружённый генералами. Корреспондент. Гибель танкиста Ивана Кузнецова, потерявшего зрение в бою у переправы. Женщина – мать. Весенние порывы реки.

1

Жуков

(про себя)

Фельдфебель Оттон, растопник огня,
Визгливый делатель железных армий,
Бежит к тебе, нечистоплотный арий,
Магнатов монопольная броня.

И Маршал встал, размялся и вздохнул –
Всей грудью фронт от Волги оттолкнул:
– Атаковать противника штыком,
Атаковать противника снарядом,
И кораблем, и самолетом!

Взглядом
Измерив даль,
Шатнул он кадыком:
– Огонь! –
Казалось, в дисканте его

Зацвенькали, зазвякали дружины,
И рати двинулись, неудержимы:
– Один – за всех и все – за одного! –
Казалось, в дисканте его запел
Медведем взъярённым буран Сибири:
– Ни газы нас, ни бомбы не убили:
Огонь! –
И гаркнул, и не утерпел:
– Огонь! Огонь! – И Маршал генералов
Обвёл очами грозными: – Огонь! –
И музыка победы заиграла:
«Огонь!»
«Огонь!»
«Огонь!»
Молчит гармонь
В углу под слоем бревён блиндажа:
И первым – танк Ивана Кузнецова
Шарахнул в крепь бурею свинцовой,
И армия немецкая, дрожа,
Голодным, наркотическим драконом
Ощерилась над Волгою и Доном;
Полки её,
Дивизии её
Тевтонской сталью огненно сверкнули,
Снег взрыхлили,
Зерно перевернули
И знойно проутюжили жнивье!

– Огонь! Огонь! – Катился пот со лба.
Погоны гневным золотом горели.
И аппараты лаково пестрели:
У Маршала в руках войны судьба!
Он слышен был крестьянке в русском поле,
Шахтеру, сталевару и бойцу.

– Наталья! – вскрикнул мастер. –
В сердце боли! –
Ослепший сын привиделся отцу:
«Отец, мой свет похитила война,
Отец, она, как ночь, темным-темна,
О внуке, о снохе мечтали мы,
Я слеп, отец, возьми меня из тьмы,
Огонь!»
...И шли за ним его танкисты,
И просека поверженных росла,
И ширилась,
В равнинах серебристых
Метель беду по хуторам несла;
По городам несла, по весям звонким,
Мол, так дрались и утверждались так!..
Писали немцы женам, что на Волге
У русских есть осатанелый танк.
И загинали обалдело палец,
Отсчитывали раны:
«Айн!»
«Цвайн!»
«Драйн!»
«Уралес танк!»
«И комонтир уралес!»
«И на кармошка, коворят, играйн!»

2

Раскальвалось небо, ветер боя
Над Русью причитанья завивал,
Всё стало тьмой, что было голубое,
А белое – багряным; шквальный вал
Атаковал Европу!
Люди пали,
Селенья пали,

Пали города,
И лишь среди ночи в той бессонной дали
Не метеор летит и не звезда,—
Корабль, наверно, космосом рожденный,
Внимательно фиксирует одно:
Как наглый враг, свободой побеждённый,
Прижат к реке и обречён давно!
Америка слегка над океаном
Приподнялась,
И в Англии рассвет,
Во Франции
И в Индии дурмана
Угарного, похоже, больше нет.

Жуков

(на командном, пункте)

Я уточнить прошу, и доложите
Сегодня же о Кузнецове мне.

Корреспондент

Вопрос, товарищ маршал, разрешите:
Танкист слепой?

Жуков

Нет, годен он вполне.

Корреспондент картинно сморщил нос,
Бес, Мефистофель, выбрит и отглажен,
Начищен, напудрён и напомажен,
И наодеколонен, как обгажен,
Вибрирующий тенором: — Отважен,
Слепой, а правит? К вам ещё вопрос.

Жуков

Пожалуйста, но бой идет.

Корреспондент

Статья

Прекрасная – ни догмы, ни корпеня,
Восток и Запад удивлю теперь я, –
Во, русский дух!

Жуков

Не очиняйте перья,
Вы коммерсант, замечу, кстати, я!..
(пытается вспомнить, где встречал майора.)
Ещё не раз потомки удивятся:
Народы шли и государства драться,
А яблоня цвела – тоской томила,
Криница аиста в жару поила,
А мрачный омут лилию ласкал
И на берег русалок выпускал.
К ним приходил поэт, его встречали
Русалки, заклинали-величали:
– Пусть никогда твой путь не преградит
Ни ангел, ни чиновник, ни бандит,
Пусть ни с каких негаданных сторон
Свою немилость не обрушит трон;
Ты – соловей, от сотворенья лет
Ты прославляешь Родину и свет!
Минуй тебя острожное роптанье
И поздняя депеша оправданья,
Минуй твоих детей овчарки месть
За честь отца, которую не съесть;
Ты – соловей, от сотворенья лет
Ты прославляешь Родину и свет! –
Русалки веселились, хохотали
И косы расплетали, расплетали,
Но чакнул челюстью из мглы дракон,
Корёжа доты и кроша бетон.

Кровавый свет колеблется над Волгой,
Баржа горит, пылает пароход,
Метелью красной, взвихренной и колкой,
Давно захлестнут к городу подход!
От Костромы до Астрахани – Волга,
Российским рекам мать и голова,
Нева в боях,
И Дон в боях,
И Волхов,
В стальной кольчуге красная Москва!
И в каждом русском чудо-человеке
Взметнулась боль – и не преодолеть,
Когда заговорили дружно реки:
«Доколе нам чумной полон терпеть?»
«Огонь!»
«Огонь!»

Голоса бойцов

Р-родная мать меня
Провожала,
Тут и вся моя родня
Набежала!

Москва, ты нам сияла из тумана,
Кремлём светила, стягом и звездой,
Полки эсэсовского Бату-хана
У ног твоих, за пеленой густой;
Твоя звезда сверкать над Русью рада,
Над Родиной,
И доблестный тот свет
Горит над крепостями Сталинграда,
Над горькими руинами побед!
Зовуще над Мамаевым курганом
Вямывает он, свети, Москва, свети,

И сам курган Бовою-великаном
Оглыбился кремнево на пути,
Над Курском встал, над миром, над планетой
В шеломе гневно-кованом, крутом!

Незрячий танк шёл на таран, – с победой
Тебя, уралец!

Ветер за бортом,
И броневые сдрейфили машины,
И в приступе атаки Кузнецов
Твердил заклятье: – Мы несокрушимы,
Вперед, за землю дедов и отцов! –
И сталь – на сталь,
Заскрежетали траки,
И на дыбы два танка – зверь и зверь,
И рухнуло железо в прорву драки,
А Кузнецов открыл в бессмертье дверь;
Земля остановилась на мгновенье,
И воины склонились до земли,
И лёгкий стон, как чьё-то дуновенье,
Над Волгой уронили журавли!
Заплакали апрельские метели.
И в ранний час над холмиком одним
Усталый Маршал в дымчатой шинели
Замешкался, раздумьями долим,
И вытер лоб.
Сползлись над переносьем
Властительные брови: – Гитлер бросил
Железо всё, взрывчатку всю и весь
Запас отборных войск, он ляжет здесь,
Стальной дракон!

И голоса, как струны,
Невест и вдов перенесли к нему,

И не могилы, а морей буруны
Текли во тьму, во тьму, во тьму, во тьму!
А мать бойца пришла сюда заране,
Мать Маршала – и Родина, и Мать,
И встала на Мамаевом кургане
Благословить и честный меч поднять.
Она с тех пор стоит – не шелохнётся,
И никуда не отойдет она,
Покуда свет к танкисту не вернётся
И сына ей не воскресит война!..

3

В рейхстаге мощи ползали, и Гитлер
Отпихивал озноб и немоту:
«Москву не взяли?»
«Нет!»
«А Питер?»
«Питер?»
«А Сталинград?»
И призрак в пустоту
Вливался и загромождал собою
Пространство.

Ева

Тишина тебе страшна?

Гитлер

(озираясь)

Берлин горит, простимся перед боем,
Германия уже окружена?

(вдруг)

Жаль, не могли родить мы!

Ева

А кого?

Кем записать наследника?..

Гитлер

(нервничая)

Кем? – немцем...

Ева

Ему зрачки испепелит Освенцим.

Гитлер

(нервничая)

Нет корня твоего и моего.

Мы лишние?..

Ева

(хладнокровно)

Мы – сеятели зла,

Я радуюсь, смотри, по всей планете

Кровавый ветер, бьёт кровавый ветер

В концлагерях в твои колокола;

Я русских ненавижу, истребить

Славян

Мы клятву-заповедь давали?

Гитлер

Где Паулюс?

Ева

Он запертый в подвале,

Воды и то из Волги не попить.

Гитлер

Где Паулюс, Гудериан?

Ева

(про себя)

Не верит!

Гитлер

Гудериан!

(бредя)

Ты, Ева, не права,

Плыви на иерусалимский берег,

Плыви за мной!..

Свети, свети, Москва,—

Река времен продвинуться не сможет,

Сады в барханы превратятся там,

Где память людям сердце не тревожит

И не бредёт за ними по пятам!

Все люди свет,

Все звезды свет,

Все зори

Обрушили — и пал, дымясь, Берлин,

И высоко над ним сиял в просторе

Бессмертный Маршал, воин-исполин!

Над Гитлером — бензиновый дымок...

Жуков

(по телефону)

Берлин — у ног!

Сталин

Трон варвара — у ног.

Жуков

Просился Эйзенхауэр.

Сталин

Принять.

Жуков

И лорд Монтгомери.

Сталин

Им дать понять,

Москва не мстит народу, свет Москвы –
Спасенье.

Штурмом доказали вы!..

Не мстит Москва, она, скорбя, грустит,

Мать городов израненных не мстит,

Она грустит, но не о побеждённых:

Вон там, в рязанском иговом дыму,

Рябина о детишках не рождённых

Совой заголосила на холму!

Так голосит, как вроде виновата,

Так причитает,

А над ней, над ней

Завьючилось от камня Коловрата

Астральное количество теней –

Душ детских,

Капель,

Градинок лучистых,

Войною не допущенных к земле,

И не они ль на башнях золотистых,

Сияя, загораются в Кремле?

И раздаются взрыды: – Я, рябина,

Свидетельница прожитых годов,

Ой, сколько птиц копытами убило

И растоптало маковых цветов!

Через века в мои луга и дали

Катилась меднобрюхая война,

И дьяволами жёлтыми летали

И пропадали в травах племена!

Хочу заснуть, а кони мчатся, мчатся,

Заснуть хочу, но окрик:
«Подожди,
В полях детишки сгибшие толчатся,
Что превратились в русские дожди!..»

Часть третья

Глава 1

Кремль. Парад Победы. Сталин. Берия. Жуков. Маршалы, генералы. Тост Верховного. Шофёр. Кузнецов Иван-старший, встречает незнакомого бойца – гармониста на Урале. Семья Жуковых.

1

Сталин

(думая)

Докладывай.

Берия

А перечень велик

И наших подозрений, и улик.

На Халхин-Голе – лично узнавал –

Два раза дома он не ночевал.

На курсы принят был без аттестата.

Дал под Берлином света маловато,

Чем бдительность у армий притупил

И Еву Браун недоослепил.

Ещё, имеет мнение столица,

Дал Гитлеру свободно застрелиться.

У Эйзенхауэра был в гостях,

Секреты выболтал о скоростях.

Твой профиль на медали был залит

Вином...
Кто Жуков, кто?

Сталин
(с иронией)
Космополит!

Берия
В быту к нему немало есть вопросов.

Сталин
По поводу?

Берия
Прабабки...

Сталин
(раздраженно)
И профвзносков...
(продолжает)
Где власть – там искушение и страсть,
Соперничества тяжба и напасть.

Берия
Я вспоминаю часто про Кавказ:
Я, мальчик, камешки в Куру бросаю,
Кавказ, пока Россия есть у нас, –
И есть Кавказ!

Сталин
(весело)
А я не отрицаю.

Берия

(торопясь)

Всё мать ему дала: дала черты,
Дала предназначенье полководца,
А вдруг ЦК в нём горько промахнётся?
Прикажешь – мы опустим с высоты,
Прикажешь – мы изучим, волоска
И родинки, пупырка не оставим,
Мы беспощадно данные представим,—
Нет Жукова!..

Сталин

(неожиданно)

Тоска грызет?..

Берия

(обмякнув)

Тоска...

Сталин

Думенко вспоминаю и Кубань,
Миронова, Сорокина, эх, годы!..
Сорокин, анархист, Spartak свободы,
А разная безадресная дрянь
Вкруг сильного хлопочет, суетится,
Обнюхивает: может, пригодится?
Вот Жуков, прям и, как бугай, упрям,
Вини его, казни его, такого.

Берия

Решай, а я... я претворитель слова.

Сталин

Не подражай, Лаврентий, дикарям,
Я слушаю.

Берия

Иосиф, Жуков – туз,
Зажимщик критики и, есть конфуз,
К авторитету, к женщинам не глух,
Жалея, подстрекает инвалидов, –
Спекулятивно нездоровый дух!

Сталин

(про себя)

Рога б тебе и хвост тебе для виду.

Берия

Другие смотрят и берут пример,
А ты один, и ты давно не молод...
У них, Иосиф, шовинизма голод.
Стяжатели банкетов и манер.
Чиновника б – и Маршала испечь!
Вождя обязан я предостеречь:
Учти, твой Жуков бабник – и не прост!

Сталин

(про себя)

Рога б, Лаврентий Павлович, и хвост.
Умру я – на могилу на мою
Заявится субъект, ещё лисее,
И примется топтать, а ротозеи, –
Расскажет всяк про то в своём краю.
Искал я смысла в юности, ищу
И в старости итогового смысла.
Репрессии, война на мне повисла,
Ему прощу, себе же не прощу.
Ему прощу, а много ли о нём
Я знаю? Ускользает боком, боком,
Травмирован хроническим пороком?..

Игра с Лаврентием – игра с огнем,
Ретивый, – по звонку, как на пожар,
Бежит, чуть до инфаркта не убился,
Здоровуюсь – он еле отцепился,
Что беркут, когти нехотя разжал!
И ведомство гранитное под ним
Преобразилось – шорох и смятение.
Лаврентий сделался дворцовой тенью,
А чьей?
Он или я незаменим?
Он – спрут,
Он – чёрт,
Он – мания страны,
Да, я не молод, силы неравны!

2

Светите, звёзд багряные рубины,
Кремль, торжествуй и празднуй,
И шелка
Развей, Москва,
Не ликовать Берлину, –
С плеч фюрера поехала башка;
Шуми, Москва, шуми, Россия,
Сказки
Из уст в уста народы пронесут!
Поехала башка, и каски, каски,
Как листья, двигались на страшный суд,
От океана и до океана
Они ордились, круглые, звеня,
Как чад земли, как вопль мирской обмана,
Как смятая ползучая броня!
Штандарты их вскипали на граните,
Выбрасывали шупальца,
Крепки,

А стяг победы багрянел в зените,
Искрили по брусчатке каблуки.
Москва дышала ветром постоянства,
Цвела она знамёнами побед.
Москва, столица гордого славянства,
Ты хорошей и братствуй тыщи лет!
Катились каски
Сломленных,
Склоненных,
Поверженно-раздавленных врагов,
Гудела сталь российских берегов,
И шли полки в доспехах пропылённых
По свастике, тарантуловой масти,
По крупповской заносчивой броне.
...От имени страны, народа, власти
Командует сам Жуков на коне;
И белый конь несёт его,
Копыта
Стучат у камнегранного Кремля,
И голос века слушает открыто
Планета под названием – Земля!
Кремль молодец и высотой духовной
Благоговел средь горя и невзгод.
И краткий тост, тотальный тост
Верховный
За русский поднял огненный народ,
За все народы,
Племена
И семьи,
За всех погибших и за всех живых,
Ведь победили, выстояли все мы
Под гнетом лет безумно-ножевых.
В кругу отважных Маршалов неспешно
Налил Верховный чарку, произнес:
– За Жукова! Командовал успешно.

Голоса
За Сталина!

Сталин
(в сторону Жукова)
Он главный груз пронёс.

Москва перебинтовывала раны,
И Волга очищалась и текла.
И золотели славою курганы,
России боевые купола.
И в добрый вечер за резным окошком
Опять уральцу-мастеру на миг
Почудилась, слышалась гармошка,
Он выбежал на улицу – не их,
Соседский, может, или незнакомый
Шагал,
Играл,
Наяривал боец.
Но, тенором гармоники влекомый,
Почти вплотную подступил отец.
Мелькнуло в мыслях: «А гармонь-то наша,
Уж я ль не приголублю, не приму!»
– Тебя Наталья прислала, Наташа,
Ну, значит, мать? – Боец кивнул ему...
(и передал гармошку)
Однажды в Комитете обороны
Сам председатель высказался вдруг:
– Для дела, Жуков, а не для короны
Придётся вам отправиться на юг,
Возьмете округ срочно.

Жуков

(с иронией)

Понимаю,

Конец войне – конец параду, маю?

Сталин

Обещан атом новому Мамаю,

А мы разорены, сидим без денег,

Без топлива, без хлеба; труд и труд

Поднимет нас, обует и оденет!

Жуков

Пока поднимет...

Сталин

(с иронией)

Воины умрут?

Защитник жалующихся солдат,

А кто, а кто, вы или я богат?

За рубежом бубнят до хрипоты:

Регалиями Маршал недоволен.

Жуков

Бубнить любой, товарищ Сталин, волен,

От них ли ожидать нам правоты?

Я гвалт не обожаю, гвалт бойцу

Не требуется – ум ему к лицу,

И честь, и смелость.

Сталин

(думая)

Слава мутит ум.

Народу слава – и солдату слава.

Жуков

(резко)

Смешно, когда налево и направо
Не воин, а холуй стоит, угрюм!
Я, выполнивший Родины приказ,
И про себя ни разу не подумал,
Что вот война закончится, взойду, мол,
На пьедестал и оттесню я вас!

Сталин

(резко)

Не ангелу намерен подражать,
Политике насущной повинуюсь.
А с маршалами я не соревнуюсь,
Геройство я умею уважать!

(думая)

Спортсмен ты ныне или инвалид,
Спасение – не в бремени обид.

Жуков

(нажимая)

Душа...

Сталин

(тихо)

Она и у меня болит.

Жуков

Я уваженье искренне ценю,
Испытанный как следует войною,
Но содрогаюсь – если за спиною
Мышей услышу серую возню...

Сталин

(роняя фразу)

Бонапартизм – черта Наполеона.

Жуков

Бонапартизм... К чему преданье оно?

Но распахнулась форточка, и голубь

Нырнул, как в синевеющую прорубь.

Сталин

(роняя фразу)

Наивная, непуганая птица,

Привыкла, доверяет...

Жуков

(полушутя)

Не боится...

(прощаются)

А за дверьми подсеменил к нему

Лаврентий Павлович: – Куда спешите?

Жуков

(жестко)

К себе, и тайны в этом не ищите.

Берия

А вдруг и вы нуждаетесь в защите?

Жуков

Солдат не жалуется никому.

Берия

Чем едете командовать? Бегу

Я к Сталину опять, помочь ли в драме?

Жуков

Могу полком, дивизией могу
И армиями, надо – и фронтами.

Пенсне мерцало в золотой оправе.
Спала Царь-пушка, рядом с ней молчал
Царь-колокол. Казалось, Кремль качал
Ногами карлик.

Берия

(на ухо)

Сталин осерчал,
Вы ж дуться и капризничать не вправе.

Принюхался он к ветру и к снежку,
Кружащемуся тихо.– До свиданья! –
Царь-колокол.
Царь-пушка.
И сверканье
Пенсне,
Сверканье в такт шажку, шажку;
Молчат безропотно колокола!..

И на лицо большое скорбь, светла,
И на глаза, чуть карие, большие,
Повеяла.

Жуков

Тебе ль мы, Кремль, чужие?

(про себя)

Суворов здесь стоял, и я стою,
Солдат обычный, труженик России.
Но Берия?
И он судьбу мою
Решать и упорядочивать в силе!

Как он попал сюда?
Плита, ступень,
И маковка, и купол – всё здесь свято.
Как он попал сюда?
Иль Русь распята,
Иль я распят, народ распят и день?
Как он попал сюда?
И чем измерить
Трагедию в столице и в селе?
Я, Жуков, грубо выставлен за двери,
Я выставлен, а Берия – в Кремле!

И Маршал четко выправкой блеснул,
В момент заматерел.
И Кремль тревожный
Под сердце острым сумраком дохнул
И чемоданной скрипотней дорожной.

3

«Ушёл! – подумал Сталин.– Вот гордец,
Страной не легче править, чем фронтами.
Я по годам почти ему отец,
Почти в отцы гожусь ему годами.
А в сущности, какой же я отец?
Дочь спуталась с одним, с другим и с третьим.
Василий – ухарствующий купец.
Отец я, но солдатам, а не этим...
Солдатам, кто холеру погасил,
Кто вычистил расистское болото.
И если б я прощенья попросил,
То у кого? У русского народа!»
И, возбужденный, видел из Кремля,
Как над Москвой-рекой заря пылала.
Кружилась и в туманы уплывала

Измученная русская земля.
...А Жуков шёл.
И древняя стена
Мерцала стреловидными зубцами.
О Русь моя, в лихие времена
Горьки размолвки у сынов с отцами!
А Жуков шёл:
«Прощай, победный май,
Опаснее Лаврентий – не Мамай...»
Шофёру бросил: – Не горюй, солдат,
Да сохранит тебя ещё столица,
А мне б не Маршалом, мне б, в аккурат,
Сантехником иль дворником родиться;
Метлу держать, влюблённых обличать,
И не по головам – по батареям
Насмешливо и весело стучать,
И жить себе привольно, не скучать!

Шофёр

Куда?

Жуков

Туда...

Шофёр

(понимая)

Туда?

Ж у к о в

И поскорее.

Шофёр

(внезапно)

Отец мой самураев унимал.

Жуков

Где?

Шофёр

На Амуре.

Жуков

Мать?

Шофёр

Арестовали.

Отца – Ягода, мать – Ежов.

Я, мал

И слаб, – в приют!

Жуков

(перебивая)

Кто жив?

Шофёр

Едва ль.

Жуков

Едва ли.

Шофёр

(продолжает)

И, странно, не споткнулся, не зачах.

Жуков

(про себя)

Война, внутри и там война...

Шофёр

(продолжает)

Ел воду.

И, пионер, зубрил об уркачах

За одой насюсюканную оду.

И в треугольном галстучке, в строю,

Где никому птенцы не возражают,

Я соглашался: Родину мою

Лишь из-за океана обижают!

(делает паузу, затем продолжает)

А поварам осётровых речей,

Дельцам бесстыжим,

Ни к чему укоры:

Диктатору – диктатор,

Черни – чернь.

Жуков

Ого, не забывайте светофоры!..

Шофёр

...Но личное – не личные дрова:

Отец и мать, отец и мать, легко ли,

Отец и мать!

А я – наследник доли,

А доля – от жилетки рукава,

Пока,

Но я – росина,

Я – репей,

Я – дуб, приветствующий птичью стаю,

Сруби меня,

Свали меня,

Убей,

А я ещё комлистей вырастаю!

Глава 2

Жуков едет из Одессы на Урал. Вагон. Начальник поезда. Корреспондент. Командир. Вечер. Стучат колеса. Ночь. День. Утро. Опять ночь. Опять утро.

Танкоград. На перроне – взвод бойцов с гармошкой. Солдаты приветствуют Маршала.

1

Мозгуй хоть с ненавистью,
Хоть с любовью,
А грозному Ивану нипочем,
Он уяснил: не зелием, а кровью
Державу утверждают и мечом.
Секиры наточенные блистали.
И по велению мелких палачей
Безвинно русы головы слетали
И с новгородцев,
И со псковичей!
На всё ответ истории готовый,
Лишь поразмысли, не сочти за труд,
Мы Иоанна записать в святого
Не прочь, да патриархи не берут.,.
Уж слишком часто насуплялись брови
И слишком красно по родной Руси
Ручьи звенели доброй русской крови,
Да, грозен был,
О Господи, спаси!
Но вознеслась железная десница
Над западом, востоком – вознеслась,
Отмерила державные границы
И непреклонно утвердила власть.
В лакейских словесах не надорвусь я,
Но знал старатель, сеятель, бондарь:

А Русь жива,
Москва жива – над Русью,
И над Москвой – великий государь!
И знала Русь – везде его начало,
Он опыт у врагов не покупал,
Как править трон.
Недаром груздень-чадо
Под разъяренным посохом упал...
Дворцы и грады возводились толком,
Ковались пики ладно и щиты.
И простиралась длань его за Волгу
По миру страха, лжи и нищеты.
Монах шептал испуганно монаху,
Скобарь, оглядываясь, скобарю:
«Пошли, всевышний, здравия монарху,
Аз есмь, и слава мудрому царю!»
А мудрый царь в Кремле,
Что златоглаво
Сияет над престольною Москвой,
Стоял высоко под короной славы –
Себе и то, от рвения, не свой.

Царей свалили!..

С грохотом и треском
Прямой состав летел через буран.
Приятны после скукоты одесской
Для Жукова разбеги перелесков
И памятны по швам недавних ран.
Земля, её он циркулем измерил
По карте от клочка и до клочка,
Какие жертвы, ужасы, потери! ...

Замок заклацал.

Входит начальник поезда.
– Может, коньячка?
Товарищ Маршал, я устрою мигом,
Товарищ Маршал, я же не шучу,
По первому разряду перед миром
Героя-ветерана угощу!
Пусть глядят и радуются люди,
Я удивлю, так и разэтак мать!

Секунда – гусь, томящийся на блюде!
Секунда – суп наперчен щедро!

Начальник поезда

Ать,
И два, и три, мы разом для героя!

И лысина блестела, как поднос:
– Товарищ Маршал, вы и я, нас трое.

Жуков

А третий где?
А поезд на откос
Всходил, пыхтя, натужно отдуваясь,
Он грузы вёз, он торопился в срок...
Начальник, мокрым жаром наливаясь,
В купе корреспондента приволок.
А Маршал приморился, недоволен, –
Длинна ты, невезений полоса!

Калуга,
Тула,
Куликово поле,
Бородино.
Уральские леса!..
По рельсам нервно цокают колеса.

В вагонах пьют, и плачут, и поют.
Ругаются, клянутся, смех и слёзы,
Вагон как дом, что пользоваться дают.

2

Начальник наливал и ел, смакуя,
Тёр лысину, ощупывал живот:
– Мыслюгу при себе ношу такую:
Народ-то наш неграмотно живет! –
И наливал, и ел, гусиной гузкой
Зажёвывал, с прищёлканьем во рту.
(на ухо)
Землицу надо сеять кукурузкой
И редькой – на закуску к свадьбе русской,
А кукурузку – на откорм скоту!
И наливал, и ел, вполне счастливый:
– Тэк, тэк, а скот – мяско и молоко! –
Подвижный,
Мокровекий
И глумливый,
Икал он аппетитно, глубоко.
– Тэк, тэк! – И ел, и наливал он снова,
Корреспонденту шумно подносил:
– Тэк, тэк, сейчас литературе слово!

Корреспондент

Я слушаю, я слова не просил.

И Маршал вник, перелиставши стыдно:
«Командный пункт, танкист,
корреспондент...
Наград, наград-то! – пиджака не видно,
Понахватал, успел, вот инцидент!»
А где ж ещё их видел,

Вспомнил Маршал:
«Под Вязьмою, в разрушенном селе,
Пусть не начальник поезда,
А старше
Был тот, цыпленком угощал, в желе!..»

Жуков

(корреспонденту)

Я слушаю вас.

Усики.
Горбинка.
Сигара.
Поезд выскочил в простор.

Корреспондент

Не каждый, полагаю, поединка
Осиливал с вождями?..

Жуков

С коих пор
Я о вожде читал поэмы ваши!
Вы в кризисе?..

Корреспондент

В прострации... Прошу
Не смаковать. Я – часовой на страже:
Прикажут написать – я напишу.

Жуков

(сердито)

Прикажут написать, а где же вы,
Поэт, трибун, и лирик, и мыслитель,
Царей и царств незыблемый властитель,
Свидетель и судья?

Корреспондент

(конфузясь)

Увы, увы...

Начальник поезда

(с иронией)

А Сталин помер, говорят, хитро:
Был забаррикадирован в метро.
Султан гаремный, Берия, в тайник
Ходами неизвестными проник.
Нигде не напоролся на прицел.
Глядит, покойник невредим и цел,
Остыл, не дышит, хорошо лежит,
А рядом свора карликов кружит,
Чертей, и заявляет: – В добрый час,
Теперь ты председатель среди нас!
Пляши, Лаврентий Павлович, пляши,
И галифе, и френчик хороши!
Пляши, Лаврентий Павлович, пляши,
Твои ли зеки да не крепыши!
Пшеницей завалили закрома,
Кайлят, торят и строят задарма!
Пляши – рубцов от пыток нет и нет,
Пляши – скелет запнется о скелет,
Пляши лезгинку, так её растак,
Пляши – судьба рабов всегда пятак!
Пляши, Лаврентий Павлович, пляши,
Ой, не песок – алмазы-голыши
В степи, в пустыне, в море и в тайге
Звенят, звенят, звенят нам о враге,
Звенят, звенят, и катятся они
Сквозь ночи материнские и дни,
Позор невесты, немощь старика, –
Где крест изобретён – там и кирка!..

Корреспондент

(с иронией)

И распахнулся Берия: – Их, их! –
Защёлкал пальцами – и сброд затих.
Их, их! – лезгинки мерный рысий стук,
Их, их! – каблук ударился в каблук,
Их, их! – в клубке ритмических страстей
За ним, за ним – овации чертей,
А в это время шасть на небосклон
Не то Гирей ,
Не то Наполеон,
Не то Адольф,
У, чрезвычайный чёрт:
– А я вам гарантирую почёт,
Пляши, Лаврентий Павлович, пляши,
Кого недодушил, так додуши,
Веди, мы встрече коллективной рады!

Начальник поезда

(с иронией)

И ну чудить,
Глухи,
Косы,
Щербаты,
И ну чудить – задами шевелить,
В хрустальны рюмки цинандальку лить,
И чокаться, и выпивать, и вновь
Над папою запунцовела кровь!..

Корреспондент

(с иронией)

Но передёрнулась у Кобы бровь,
Осекся Берия и задрожал:
– Кацо, джигит я верный! – завизжал,
Отмычку бросил,

Выронил кинжал:
– Пусть на Бутырках камеры полны,
Великий Сталин, нет моей вины!
Пусть кельи соловецкие полны,
Великий Сталин, нет моей вины!
Пусть зоны заполярные полны,
Великий Сталин, нет моей вины!
Упавшие в канал не говорят,
Они тебя, отец, благодарят!
Упавшие в рудник не говорят,
Они тебя, отец, благодарят!
Упавшие в огонь не говорят,
Они тебя, отец, благодарят!
Чу, стон иль песня с четырех сторон:
«Спасибо за расстрелы, фараон!»
Чу, стон иль песня с четырех сторон:
«Спасибо за науку, фараон!»
Чу, стон иль песня с четырех сторон:
«Спасибо за свободу, фараон!»
На площади, утесе и тропе
Мы – барельеф и монумент тебе,
На площади, утесе и тропе
Мы – честь и слава, корифей, тебе!
Мы – левый тут и правый уклонист,
Центрист, и русофил, и утопист,
Кулак и саботажник-экстремист,
Непротивленец, власовец, баптист.
...Туннель.
Колодец.
Шахта.
Наша быль –
Библейская и золотая пыль!..

Жуков

(про себя)

Паясничает, а до тошноты
Хвалил, неуязвимая порода,
Создатель божества за счет народа,
И с лестью, и с преступностью на «ты»!
Отца и мать хулою увенчает:
Покойника с трибуны уличает,—
Судил бы я, и глазом не моргнув,
Гомеров похоронного аврала,
Из мемуаров метят в генералы
И далее, мундир не застегнув!..
Похожи — власть короны и рубля,
И ложь, и трусость искренне похожи;
Есть жизнь,
Есть смерть,
Есть Родина,
И всё же
От них не застрахована земля,—
И флюгеры, и черти, не знакомы
Ни он, ни он..
(в сторону обоих)
Простите, господа.

Корреспондент

Есть фото!

Начальник поезда

Вместе, у аэродрома?

(корреспонденту)

Под Сталинградом, кажется?

Жуков

(удивленно)

Когда?

Корреспондент

История ошибок не прощает.
И поиграл кокетливо плечом:
– Она ценить героев завещает!

Жуков

Героев – да, а вы-то здесь при чем?

Поезд тормозит.

Открыл окно – и свежий зимний ветер
Крылом в стекло ударил.

Жуков

(выходит на перрон)

Танкоград?

Гудит, бурлит, грохочет на рассвете,
Как пахарь, он труду и солнцу рад.
Синеют горы, скалы громоздятся,
Горят снега алмазной белизны.

Жуков

(про себя)

Урал, тобою искони гордятся,
Крепки твои широты и грозны!

И Маршал засмотрелся на перроне:
Солдаты, взяв ему под козырек,
Расправились...

Командир

(равняясь на Жукова)

Приветствовать гармони
Положено!

И бравый взвод изрек:
«Как ро-о-дная мать меня
Провожала,
Тут и вся моя родня
Набежала.
А куда ж ты, паренёк,
А куда ты,
Эх, не ходил-бы ты, Ванёк,
Во солдаты-ы!..»

Гармошка очень скоро отыграла.
И взводный смолк среди робкой колготни.
И снова путь – во глубину Урала,
Во глубину народа и брони!..

Глава 3

День Победы. Уральский город. Жуков. Жена Галина.
Иван Кузнецов. Жуков перемог простуду. Друзья размыш-
ляют о судьбах близких, о дорогом и пережитом. Вспоми-
нают. Ясность. Тишина. Возвращение гармошки.

1

А можно быть увенчанным и славой,
И звёздами увешанным, но пусть
Огнём любви – купелью самой главной –
Вас не обделит трепетная Русь.
Огонь любви, порыв её и сила,
Свобода,
Благородство,
Красота,
Она ли к звёздам нас не возносила, –
Незаменима эта высота!

Он жить хотел обласканным и добрым,
В своём доме святой очаг возжечь,
Но холод губ, как тот удар под ребра,
С которым – ни присесть тебе, ни лечь.
Ему виски зима посеребрила.
Легла тоска морозная в груди.
Нет, ни одна его не одарила
И не обворожила на пути.
Любили?
Да, наверное, любили,
Но получалось, если посмотреть, –
Из родника неутолимо пили,
Помаду забывая утереть!
Привязывались?
Вроде бы роднились,
Но в час весны, когда звенят снега,
Они его отваги сторонились
И пропадали в синь, за берега.
И ни одна не развела руками,
Не крикнула: – Куда же ты, постой,
Ведь я горюю о тебе веками
У изголовья тихою звездой.
Не смыть меня ни ливню и ни грому,
Я у тебя, небесная, одна!

Он никогда не торопился к дому,
А ныне – жизнь от радости тесна.

2

С утра знобит – Георгий по болотам
Охотился на уток и продрог.
Жар обметал.
И нудным непогодам
Невесело без Жукова...

Жуков

(открывает глаза)

Помог

Сон досмотреть мне твой совет, Галина.

Галина

Какой?

Жуков

Хороший сон – мы в гуще трав,

Зелёная, озёрная долина,

И рядом ты...

Галина

(улыбаясь)

Великолепный нрав,

Во всём великолепный, и в призванье,

И – в выборе, постигла я сама.

То был не сон, я не стыжусь признанья,

Я по тебе с ума схожу, с ума!

Жуков

(порывисто)

Ты юная, без ревности и фальши.

Галина

Прости, я не робею перебить,

Мне грезится – я появилась раньше

Обоих нас,

Чтобы тебя любить.

Люблю тебя, несу тебя под сердцем,

И радостно мечтаю я о том:

Нет, никуда мне от тебя не деться,

Ни в этот час, ни завтра, ни потом!

Красивая и нежная, откуда
Она брала, как музыку, слова:
– Закутай горло, потеплей закутай! –
У Жукова кружилась голова:
– Галина, Галя, сон мой оборвался...

Галина

На чём?

Жуков

(смеясь)

На чем? А не скажу на чём.

Галина

Со мной, поди, во сне поцеловался,
А наяву не хочешь? Мы учтём.

И засмеялись оба, так смеялись
И так они восторженно клялись!

Галина

Ты выздоровел?

Жуков

Эдак целовались!..

И снова благодарно обнялись.

Галина

Пусть будет сын...

Жуков

Дочь, Галя, будет дочь:

Мать, мать нужна тебе, и мне, и роду,

Израненному русскому народу
Мать, мать нужна – в страданиях помочь!..

И снова целовались, как летели
Вдвоем на чуткой тройке по метели,
Форсистой, нашей, буйной, удалой:
Тоску – долой,
Придавленность – долой!
Урал за все невзгоды и обиды
Тебе, спаситель Родины, солдат,
Глоток любви и страсти нераспитый –
Её вручает как волшебный клад.
Он за тебя сегодня отвечает,
Он не вчера ль прикрыл тебя в бою?
Он красотою верности венчает
Судьбу великорусскую твою.

Прижалась Галя...

Жуков

Галя, я отлично
Пойму тебя, не выдам, говори!

А на берёзах за окном привычно
Осенние зардели снегири.
Шумел ковыль по склонам индевелым.
Вот-вот пурга займется на дворе.
В суровом сердце Маршала созрела
Любовь, как жемчуг-капля, в январе.
А время шло,
Кололись льды в озерах,
Долина зеленела и цвела.
И Маршал вроде призабыл о ссорах,
Сгустясь, над ним растачивалась мгла.

И в День Победы к вечеру однажды
 К ним завернул уверенно кузнец:
 – Воды испить не откажите, жажда
 Измучила, и где её конец?..–
 Стучал кирзой.
 Паркет скрипел.
 И Галя
 Оповестила: – Ранний гость к тебе! –
 А гость протер старинные медали,
 И встретились два сокола отважных,
 Два конника отчаянных, и каждый
 За стопкой вспомнил о своей судьбе.
 Два побратима-ратника сидят,
 Красиво пьют
 И хорошо едят.
 И Жуков грусть в себе отсек ладонью
 По воздуху: – А мы-то, молодцы,
 А где гармонь, Иван?

Иван Кузнецов

(смутясь)

Твоей гармонью

Твои распоряжаются бойцы!..

(выходит, быстро вносит гармонь)

Жуков

(удивленно)

Гармонь моя?

Истерзана, оббита,
 В каких руках, в каких боях была?
 Окопами, траншеями обвита,

Судьбы её суровая орбита
Честь русскую нигде не предала.
И Маршал свойски развернул меха,
И побежал по клавишам, рыдая,
К ней по-сыновьи нежно припадая.
...А в памяти Москва, снега, снега:
Вот мать,
Вот – Сталин,
Вот – шофёр.

Жуков

Дружище,
Я возвращён... садись-ка ближе, брат!

Они поют, а ветер в полночь свищет,
По стёклам бьёт он, как свинцовый град.
И Галя тихо отдыхает, тучи
Отчалили, поразвиднелась тень;
Георгий успокоился, везучий,
Такой ранимый и такой могучий,
И заболел и выздоровел – в день!

Жуков

(внезапно)

Иван, твой сын погиб у переправы,
Я виноват!

Иван Кузнецов

А проходимцы правы?

Жуков

Солдаты опустелой стороны,
Пустые избы и дворы пустые.
И вдовы, вдовы русские простые,
Как галки, на завалинках страны.

Мы защитили кровью отчий кров.
Рок смерти на Россию ополчился.

Галина

Из двадцати яицких хуторов
Один собрали – и не получился...

Иван Кузнецов

А хочешь притчу?

Жуков

Чью же?

Иван Кузнецов

А мою...

Гляжу, восходит Сталин обелиском
И ты – за ним,
Я – за тобой встаю,
А холм наполнен щебетом и писком;
Народ – детишки, бабы, старики
Приблизилась к нему:
«Мы пережили
Навет
И схоронить тебя решили,
Хотя твои проступки велики,
Так легче нам, – мы все тобой грешили,
Ты Берию создал – мы разрешили!..»
Приблизилась к тебе: «Ты грубоват,
Но Маршал ты, поскольку ты–солдат!»
Приблизилась ко мне и закричала:
«Жену ты сделал матерью печали
И в бронзе траурной её отлил,
Она теперь дежурит у могил,
И сына не сберёг, а кто рожать
Обязан?

И земля, и небо это
От Сталина, от Жукова ответа
Ждут,
Ты не смог его держать?
Найди-ка стежку...» Я её нашёл:
Из обелиска ты – за мной пошёл,
Жена
И сын,
А Сталин накренился,
Мертвец его схватил, нём и тяжёл,
Но Сталин – Сталин:
Сталин распрямылся!..

Жуков

А мы?

Иван Кузнецов

Земля разъялась, мы сумели
Убраться – и случайно уцелели:
Иначе – не шнырял меж нами враг.
А были добровольные ошибки?

Жуков

Был враг, два мира бушевали в сшибке,
Да, две войны...

Иван Кузнецов

И так верти, и так.
Самих себя вылепливаем сами,
То бородой упьёмся, то усами,
У нас в цеху руководящий босс
Обрился «под Никиту», а кудрявый.

Жуков

А вы?

Иван Кузнецов

(смеясь)

Намыливаемся оравой,
Фу, гадость!

Жуков

Исключительный курьез.
Благодарю за притчу, друг и брат,
Я виноват, и Сталин виноват,
Ты виноват, Галина виновата:
То дачка сдержит нас, а то зарплата,
То попросту характер слабоват.

Галина

Я Берию впечатала б в букварь:
Учите, дети, и зубрите, дети,
И знайте, есть бесстрашие на свете,
А есть трусливо шарящая тварь.
Тебе по званию ровня...

Иван Кузнецов

А кого
Казнил он за лесами, за горами?

Галина

Россию штабелил под номерами...

Жуков

Один за всех, и все за одного.
Мне двадцать миллионов не дают
Покоя:
Из могил они встают,
Я виноват, и Сталин виноват,
Могилы – нескончаемые волны!

Иван Кузнецов

Иной бездарностью похвастать рад.

Жуков

А я?

Иван Кузнецов

Георгий, полно, полно
Себя терзать, да и меня терзать.
И ты, и я, и Сталин, и другие,
Мой сын, его – солдаты дорогие,
Солдаты!

Жуков

А чего еще сказать?

Эпилог

1

Георгий, знай, Победоносец, знай,
Ты дом помог нам сохранить и май.
Суворов, и Кутузов, и Донской,
И Невский – осиянные Москвой.
От Кузнецова и до Пересвета
В нас много ласки,
Мужества
И света.
...Весна шумит.
А далеко, в Берлине, –
Солдат с ребёнком теплым на груди.
Курган над Волгой.
Не туман в долине,
А слёзы вдов, поближе подойди.

И по холмам, высоким или низким,
Они горят, недремные, горят
Пронзившие эпоху обелиски,
Глазами стран и наций говорят!

Вновь треск возник:
То – карлик на броне,
То – чёрт,
То – фюрер в смрадной стороне?

2

Не опровергнуть факта – золоты
Рога у бесов, уши и хвосты,
Шерсть золотая, когти золотые,
В ноздрях браслеты, зенки, налитые
Алмазами...
И разбитной, могучий
Чертище, да координатор, черт
Олады золочёные печёт
На сковородке золотой, трескучей:
– Эй, бросьте-ка аборигенам в клетки
И гоям
Непотребные объедки! –
Не опровергнуть факта – я в квартире:
Костёр из книг,
С часов сорвали гири,
Вышвыривают мебель:
– Ерунда!
– Вы кто?
– Нечесаных чертей стада!
– Молчи! – они велят. – Не смей перечить
И не пытайся нас очеловечить:
Кровь Пушкина с календаря не стёрта,
Зачем он поднял пистолет на чёрта?

Кровь Лермонтова, убедись, не стёрта,
Зачем он поднял пистолет на чёрта?
И кровь Есенина ещё не стёрта,
Зачем же задирался он на чёрта?
Кровь Маяковского ещё не стёрта,
Зачем же задирался он на чёрта?
Забыл?
Кровь у тебя ещё не стёрта,
Зачем ты задираешься на чёрта?
С женою тише, и с друзьями тише,
И с недругами тише,
Посмотри,
Одумайся
И, поумнев, замри, –
Слона-амбала скопом валят мыши!..

3

Но не тираны вечны, а победа,
И солнышко, и облаков гульба.
Порой у полководца и поэта
Трагически похожая судьба.
Свет Родины питает полководца,
Свет Родины поэта пепелит.
Россия, Русь, не о тебе ли рвётся,
Не о тебе ли сердце так болит!
Не о тебе ли плакали метели
И ливни задыхались неспроста,
Я сам за верность отчей колыбели
Не миновал распятия Христа:
Бандюги, по указке, по уставу
Меня ошельмовав – райком... партком... –
Распасовали иглы и в суставы
Рачительно вогнали ноготком.
Начинены распадом ядовитым,

Они в душе ржавеют до сих пор.
Я, честный, тайно мафией избитый,
Я, храбрый, нагло кинут на позор.

Мой дальний хутор на Урале грозном,
А где же ты и что с тобой? – скажи.
Кресты, кресты,
По луговинам росным
Порхают одичалые стрижи.
Кресты, кресты,
Куда ни повернусь я –
Кресты, кресты
И – муторно окрест.
Но не поставил ворог крест над Русью,
А Русь над ним переломила крест.
К нам замышляли недруги не тропы,
А трассы проутюживать в поля.
Не взять России – и не взять Европы,
И мир не взять,
О русская земля!
И – проклят тот,
Кто жуткий день вчерашний
Упрячет в омузеенный гранит,
Кто русский дух
И русское бесстрашье
Не приумножит и не сохранит...

За всё, чем жили и о чём тужили,
И упустили мы или нашли, –
Сражались,
Отвечали
И решили:
Мы к братству шли, мы к человеку шли!
Мы поколенья в лозунгах сожгли.
Перед собою и перед веками

Непогрешимы,
Если палачи
К нам с армиями гибельно втекали,
Вторгались,
Вкрапливались,
Проникали,
Днём – ярые и – зоркие в ночи,
Пытая, вопль стволами затыкали:
Молчи, Россия, русские, молчи?..
Осмысливаю промах ли, потерю,
Оплакиваю, радуюсь ли вдруг, –
Я клятвам верю,
Обелискам верю
За скифской поволокою вокруг.

Москва, Москва,
Работа и бои...
Лишь позови – в любую непогоду,
Отпнув карателей и несвободу,
Опять пройдут
Через огонь и воду
Сыны твои
И дочери твои!

ПЕСНИ ЗЕМЛИ МАРШАЛА ЖУКОВА

(из цикла)

Каков приговор трибунала,
О, Маршал, известно заранее,
И стиль, этот жанр, как части хорала,
Чуть слышан в расстрелянной рани.

Легко отказаться во имя свободы
От меры любви и от веры в спасенье.
Какие века и которые годы
Могли научить этому до воскресенья?

Но, впрочем, история учит забвенью,
А войны и мор эти страхи питают,
И старость пытаются бывлые сомненья
И хлеба, и зрелища предпочитают.

Хотя, что касается зрелищ бесплодных,
Былых гладиаторов слава померкла,
А новых ристалищ и игр голодных
Холодная кровь не снабжает у зёркал,

Экранов блестящих, стальных мониторов,
Мерцанье диодов является тщетным,
И зверь ли грядет? Может статься, что, боров
В пространстве опять уже ветхозаветном.

И так новизна стынет в старом сосуде
И свет изливается, плещется тьма,
И тот, кто был верен, на персях, на груди,
На гребне всех войн и топорщится тля.

И новым нейроном, новейшею связью –
Хлопочет наш день без рассвета и сна,
И все предначертано старою вязью –
И хлябью всех зол та же бездна полна.

Куда, как турель, повернётся подсолнух,
Зависит от вышнего белого света,
Как едкий без дыма же вызреет порох,
Каким будет новое русское лето.

Чьих предков останки всё так же вырастают
В корнях мировых в это древнее древо,
Пусть наши потомки однажды узнают:
Горячею кровью отстроено дело.

Какие ходили громады-линкоры
В стремнинах имперского ныне забвенья,
Как клацали громко в подвалах затворы
Во тьме позабытого здесь осужденья.

Не важно, какую сырую могилу
Себе роет эта без веры константа,
Но соль потеряет ли вещь силу
Среди всё того же родного пространства,

Просторов великих, листвою овражьей,
Всей этой донине святою землею,
Не сломленной силою самую вражьей,
Огнём и последней остывшей золою.

ПЬЕДЕСТАЛ

В зените славы и в опале,
И под Москвою и за ней
Всегда он был на пьедестале
Великой Родины своей.

А падать с пьедестала трудно,
Чтобы никто не пострадал,
Когда поодаль многолюдно,
И все хотят на пьедестал.

Его не всем Отчизна прочит,
Не всем, кто смог её спасти,
Даёт его не тем, кто хочет,
А кто не может не взойти.

СКАЖИТЕ МАРШАЛУ СПАСИБО!

Какую муть, как с перепоею,
Нам наши лазари поют!
Оставьте Маршала в покое
Вы, не бывавшие в бою.

В огонь смертельный шли солдаты,
И Родина осталась жить.
Спасли её не вы, ребята,
Не вам спасителей судить.

Вы мёртвой пылью стать могли бы,
Навек остыть в печной золе.
Скажите Маршалу спасибо,
Что вы живёте на Земле.

Кому присягу вы давали,
Чей над собой подняли флаг?
Но маршалами вы не стали,
И звать вас, в общем-то, никак.

Не быть вам даже рядовыми
И не стоять в одном строю
С героями, навек живыми,
Спасавшими страну свою.

ГЕОРГИЙ ЖУКОВ

Ты там, где Невский и Суворов,
В опале умерший кумир,
Взираешь с русских туч на мир,
Багровых от военных споров.
Твой верный конь в конюшне сдох,
Мундир в музее запылится...
Но как бы Там ни отличился,
Обратно не отпустит Бог.
Там Михаил архистратиг,
Небесных Сил родоначальник.
Он скажет: «Это мой напарник,
Он в жизни многое постиг.
Он взял Берлин и спас Москву,
Разбил врага под Сталинградом.
Здесь будет биться с вечным Гадом,
Не поздоровится тому...»
И Жуков сам под русский стяг
Небесные полки поставит
И нечисть всей земли заставит
Забиться в попранный Рейхстаг.
И крикнет Родина: «Огонь!»
И грянут тысячи орудий...
Но это только детский сон.
Враг здесь. Не расслабляйтесь, люди!

Владимир Хомяков

КРЕМЛЁВСКАЯ СЕНА

Я помню похороны Жукова:
традиционный артлафет
и ощущение чувства жуткого,
что больше нет у нас побед.

Конечно, есть слова парадные,
и есть бывлые имена.
Но где же грозы наши ратные?
Ответь, Кремлёвская стена.

Ведь здесь герои яснокрылые,
те, кто не сгинул без вины, —
для многих стала ты могилою,
они в тебе погребены.

Здесь наша память замурована...
И коль придёт нещадный день,
в награды громкие закована,
взойдёт ли Маршальская тень?!

Василий Шишкин

**МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
Г.К. ЖУКОВУ**

Меняются эпохи, с ними люди,
Сменяет зимний холод летний зной.
Одни уходят и таких не будет,
Но вместо них другие встанут в строй.

Уйдут в века, как ветра дуновение,
Пройдут они парадом мимо нас,
Держа на доблесть прадедов равнение,
Когда наступит самый важный час.

Земля благословляла на свершения,
И укрепляла у бойцов сердца,
Чтоб каждый принял для себя решение
За эту землю драться до конца.

Не отступать и быть другим примером,
Быть сильным духом и блистать умом.
И чтоб на битву поднимала вера,
Никем не истребимая потом.

Вся ваша жизнь-теперь пример для внуков,
И пусть твердят, что вы один такой.
Поклон и слава вам, товарищ Жуков,
Величие, бессмертие, покой!

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Амусин. Письмо от деда	3
Владислав Артёмов. Слово о Маршале Жукове	4
Виктор Беликов. Жуков в опале	19
Игорь Витюк. Маршал Жуков на параде в Хмеймиме	22
Евгений Глушаков. «Что голубок на копне...»	23
Александр Дьяконов. Великий Маршал	25
Олег Игнатъев. Собор Победы	26
Андрей Канавщиков. Русский солдат с маршальскими погонами	28
Ярослав Кауров. Маршал Победы Георгий Константинович Жуков	53
Александр Кердан. У памятника Жукову в Екатеринбурге	56
Геннадий Козлов. Замена	57
Сергей Крюков. Гений войны	59
Борис Орлов. Неизвестный солдат	60
Сергей Панфёров. Ода победителям	61
Галина Петриева. Итоги	62
Александр Потапов. Несгибаемый Маршал	63
Александр Савицкий. 24 июня 1945 года	65
Владимир Силкин. Письма Жукову	66
Михаил Силкин. Играй, баян!	74
Владимир Скворцов. Венец Победы	77
Валентин Сорокин. Бессмертный Маршал	78
Андрей Спиридонов. Песни земли Маршала Жукова (из цикла)	177
Рафаэль Тимошев. Пьедестал	179
Владимир Тыцких. Скажите Маршалу спасибо!	180
Игорь Тюленев. Георгий Жуков	181
Владимир Хомяков. Кремлёвская стена	182
Василий Шишкин. Маршалу Советского Союза Г.К. Жукову	183

Литературно-художественное издание

ПИСЬМА МАРШАЛУ

Книга стихов

Составитель – **Владимир Силкин**

Художественное оформление – **Дмитрий Плешивцев**

Технический редактор – **Виктор Кавылин**

Корректор – **Эльмира Пашкова**

Подписано в печать 19.10.2021 г.
Формат 70х90 1/16. Объём 10,8 усл. п. л.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Бумага офсетная 80 г/м².
Тираж 500 экз. Заказ 1910.

Издательство «ЗЕБРА» –
г. Белгород, ул. Победы, 165.
Отпечатано в типографии ООО «ЗЕБРА» –
г. Белгород, ул. Победы, 165, тел. (4722) 777-415.

ISBN 978-5-6044824-5-2



9 785604 482452